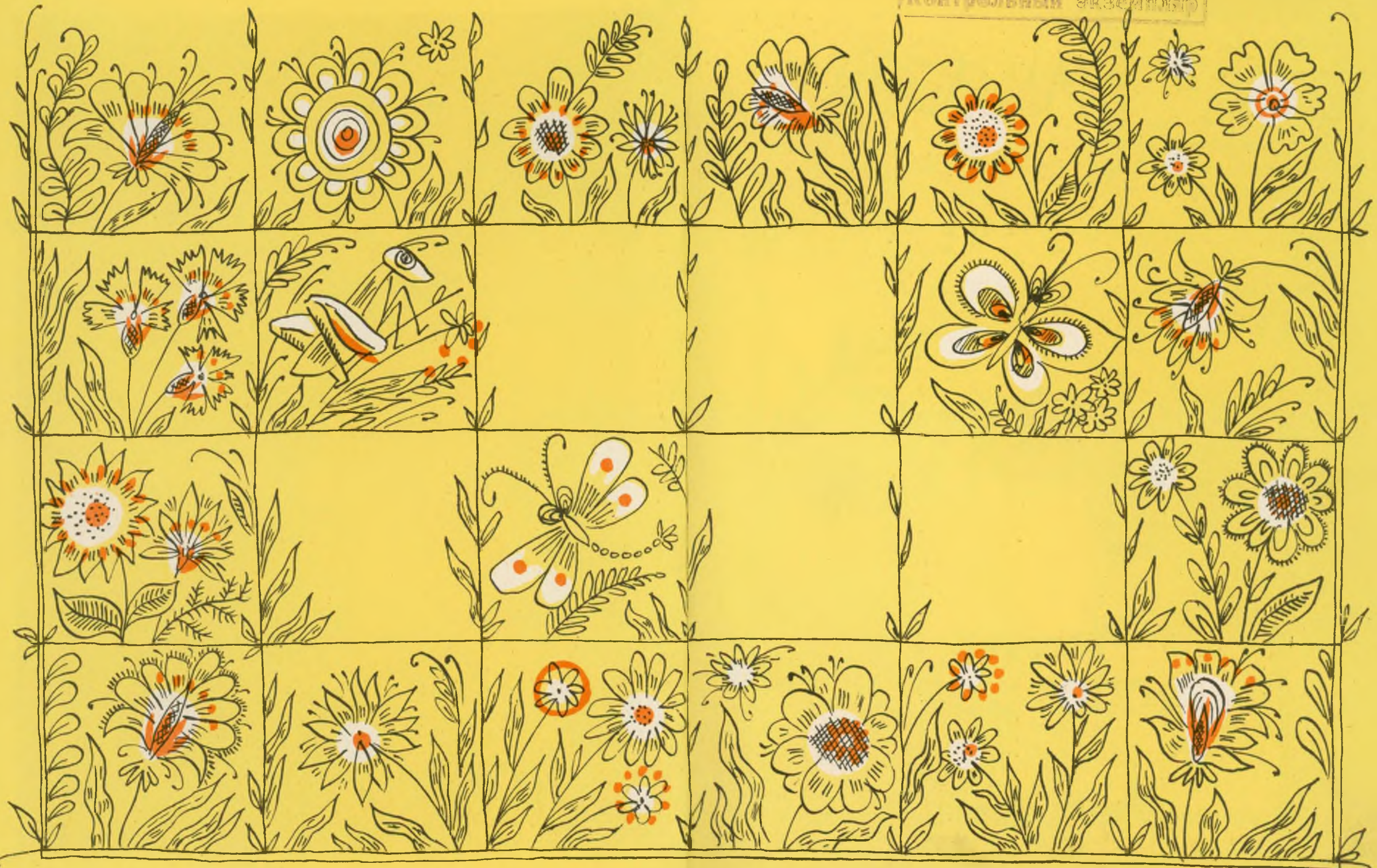

Родничок

Контрольный экземпляр

Родничок

СТИХИ * СКАЗКИ
РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК
Р. КЛИМОВ

К 950778

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АРХАНГЕЛЬСК
1981

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

PC
EB
P60

42 + K13.

*В 1980 году исполнилось
110 лет со дня рождения
Владимира Ильича Ленина*

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

В

Горках знал его любой,
Старики на сходку звали,
Дети — попросту, гурьбой,
Чуть завидят, обступали.

Был он болен. Выходил
На прогулку ежедневно.
С кем ни встретится, любил
Поздороваться душевно.

За версту — как шел пешком —
Мог его узнать бы каждый.
Только случай с печником
Вышел вот какой однажды.

Видит издали печник,
Видит: кто-то незнакомый
По лугу по заливному
Без дороги — напрямик.

А печник и рад отчасти,—
По-хозяйски руку в бок,—
Ведь при царской прежней власти
Пофорсить он разве мог?

Грядка луку в огороде,
Сажень улицы в селе,—
Никаких иных угодий
Не имел он на земле...

— Эй, ты, кто там ходит лугом!
Кто велел топтать покос! —
Да сплеча на всю округу
И поехал, и понес.

Разошелся.

А прохожий
Улыбнулся, кепку снял.
— Хорошо ругаться можешь,—
Только это и сказал.

Постоял еще немного —
Дескать, что ж, прости, отец,
Мол, пойду другой дорогой...
Тут бы делу и конец.

Но печник — душа живая,—
Знай меня, не лыком шит! —
Припугнуть еще желая:
— Как фамилия?— кричит.

Тот вздохнул, пожал плечами,
Лысый, ростом невелик.
— Ленин,— просто отвечает.
— Ленин?— Тут и сел старик.

День за днем проходит лето,
Осень с хлебом на порог,
И никак про случай этот
Позабыть печник не мог.

И по свежей по пороше
Вдруг к избушке печника
На коне в возке хорошем
Два военных седока.

Заметалась беспокойно
У окошка вся семья.
Входят гости:
— Вы такой-то?

Свесил руки:
— Вот он я...

— Собирайтесь!

Взял он шубу,
Не найдет где рукава.
А жена ему:
— За грубость,
За свои идешь слова...

Сразу в слезы непременно,
К мужней шубе — головой.
— Попрошу, — сказал военный, —
Ваш инструмент взять с собой.

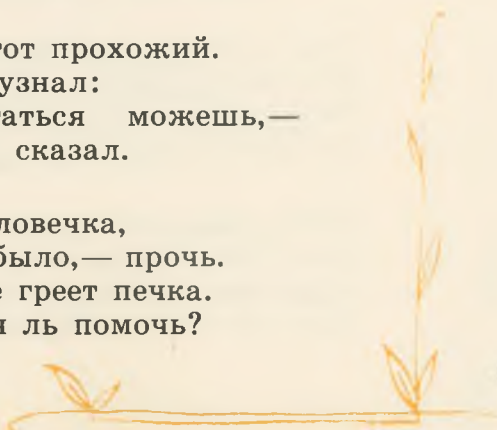
Скрылась хата за пригорком.
Мчатся санки напрямиком.
Поворот, усадьба Горки,
Сад, подворье, белый дом.

В доме пусто, нелюдимо,
Ни котенка не видать.
Тянет стужей, пахнет дымом, —
Ну овин — ни дать ни взять.

Только сел печник в гостиной,
Только на пол свой мешок —
Вдруг шаги, и дом пустынный
Ожил весь, и на порог —

Сам, такой же, тот прохожий.
Печника тотчас узнал:
— Хорошо ругаться можешь, —
Поздоровавшись, сказал.

И вдобавок ни словечка,
Словно все, что было, — прочь.
— Вот совсем не греет печка.
И дымит. Нельзя ль помочь?

Крякнул мастер осторожно,
Краской густо залился.
— То есть как же так нельзя?
То есть вот как даже можно!..

Сразу шубу с плеч — рывком,
Достаёт инструмент. — Ну-ка... —
Печь голландскую кругом,
Точно доктор, всю обстукал.

В чем причина, в чем беда
Догадался — и за дело.
Закипела тут вода,
Глина свежая поспела.

Все нашлось — песок, кирпич,
И спорится труд, как надо.
Тут печник, а там Ильич
За стеною пишет рядом.

И привычная легка
Печнику работа.
Отличиться велика
У него охота.

Только будь, Ильич, здоров,
Сладим любо-мило,
Чтоб, каких ни сунуть дров,
Грела, не дымила,

Чтоб в тепле писать тебе
Все твои бумаги,
Чтобы ветер пел в трубе
От веселой тяги.

Тяга слабая сейчас —
Дело поправимо,
Дело это — плюнуть раз,
Друг ты наш любимый...

Так он думает, кладет
Кирпичи по струнке ровно.
Мастерит легко, любовно,
Словно песенку поет...

Печь исправлена. Под вечер
В ней защелкали дрова.
Тут и вышел Ленин к печи
И сказал свои слова.

Он сказал, — тех слов дороже
Не слышал еще печник:
— Хорошо работать можешь,
Очень хорошо, старик.

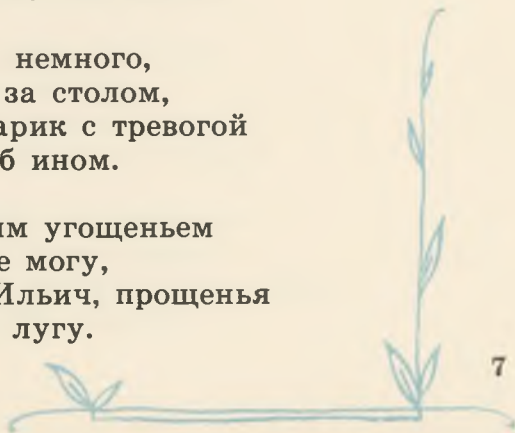
И у мастера от пыли
Зачесались вдруг глаза.
Ну, а руки в глине были —
Значит, вытереть нельзя.

В горле где-то все загнулось,
Что хотел сказать в ответ,
А когда слеза смигнулась,
Посмотрел — его уж нет...

За столом сидели вместе,
Пили чай, велась речь
По порядку, честь по чести,
Про дела, про ту же печь.

Успокоившись немного,
Разогревшись за столом,
Приступил старик с тревогой
К разговору об ином.

Мол, за добрым угощением
Умолчать я не могу,
Мол, прошу, Ильич, прощенья
За ошибку на лугу.

Сознаю свою ошибку...
Только Ленин перебил.
— Вон ты что, — сказал с улыбкой, —
Я про то давно забыл...

По морозцу мастер вышел,
Оглянулся не спеша:
Дым столбом стоит над крышей, —
То-то тяга хороша.

Счастлив, доверху доволен,
Как идет — не чует сам.
Старым садом, белым полем
На деревню зачесал...

Не спала жена, встречает:
— Где ты, как? — душа горит...
— Да у Ленина за чаем
Засиделся, — говорит...

1938—1940

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

* * *

М

айор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста,
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...

Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой придти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

За тридцать земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит. Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов увидимся с тобой.

Но если нет... Когда наступит дата,
Ему, как мне, идти в такие дни,
Вслед за отцом, по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

1941

ПЕПЕ

Пепе — десять лет, он хрупкий, тоненький, быстрый, как ящерица, пестрые лохмотья болтаются на узких плечах, в бесчисленные дыры выглядывает кожа, темная от солнца и грязи.

Он похож на сухую былинку,— дует ветер с моря и носит ее, играя ею,— Пепе прыгает по камням острова с восхода солнца по закат, и ежечасно откуда-нибудь льется его неутомимый голосишко:

Италия прекрасная,
Италия моя!..

Его все занимает: цветы, густыми ручьями текущие по доброй земле, ящерицы среди лиловатых камней, птицы в чеканной листве олив, в малахитовом кружеве виноградника, рыбы в темных садах на дне моря и форестьеры на узких, запутанных улицах города: толстый немец, с расковырянным шпагою лицом, англичанин, всегда напоминающий актера, который привык играть роль мизантропа, американец, которому упрямо, но безуспешно хочется быть похожим на англичанина, и неподражаемый француз, шумный, как погрешка.

— Какое лицо!— говорит Пепе товарищам, указывая всевидящими глазами на немца, надутого важностью до такой степени, что у него все волосы дыбом стоят.— Вот лицо, не меньше моего живота!

Пепе не любит немцев, он живет идеями и настроениями улицы, площади и темных лавочек, где свои люди пьют вино, играют в карты и, читая газеты, говорят о политике.

— Нам,— говорят они,— нам, бедным южанам, ближе и приятнее славяне Балкан, чем добрые союзники, наградившие нас за дружбу с ними песком Африки.

Все чаще говорят это простые люди юга, а Пепе все слышит и все помнит.

Скучно, ногами, похожими на ножницы, шагает англичанин,— Пепе впереди его и напевает что-то из зауспокойной мессы или печальную песенку:

Мой друг недавно умер,
Грустит моя жена...
А я не понимаю,
Отчего она так грустна?

Товарищи Пепе идут сзади, кувыркаясь со смеха, и прячутся, как мыши, в кусты, за углы стен, когда форестьер посмотрит на них спокойным взглядом выцветших глаз.

Множество историй можно рассказать о Пепе.

Однажды какая-то синьора поручила ему отнести в подарок подруге ее корзину яблок своего сада.

— Заработаешь сольдо! — сказала она. — Это ведь не вредно тебе...

Он с полной готовностью взял корзину, поставил ее на голову себе и пошел, а воротился за сольдо лишь вечером.

— Ты не очень спешил! — сказала ему женщина.

— Но все-таки я устал, дорогая синьора! — вздохнув, ответил Пепе. — Ведь их было более десятка!

— В полной до верха корзине? Десяток яблок?

— Мальчишек, синьора.

— Но — яблоки?

— Сначала — мальчишки: Микеле, Джованни...

Она начала сердиться, схватила его за плечо, встряхнула.

— Отвечай, ты отнес яблоки?

— До площади, синьора! Вы послушайте, как хорошо я вел себя: сначала я вовсе не обращал внимания на их насмешки, — пусть, думаю, они сравнивают меня с ослом, я все стерплю из уважения к синьоре, — к вам, синьора. Но когда они начали смеяться над моей матерью, — ага, подумал я, ну, это вам не пройдет даром. Тут я поставил корзину, и — нужно было видеть, добрая синьора, как ловко и метко попадал я в этих разбойников, — вы бы очень смеялись!

— Они растащили мои плоды?! — закричала женщина.

Пепе, грустно вздохнув, сказал:

— О нет. Но те плоды, которые не попали в мальчишек, разбились о стены, а остальные мы съели, после того как я победил и помирился с врагами...

Женщина долго кричала, извергая на бритую голову Пепе все проклятия, известные ей, — он слушал ее внимательно и покорно, время от времени прищелкивая языком, а иногда, с тихим одобрением восклицая:

— О-о, как сказано! Какие слова!

А когда она, устав, пошла прочь от него, он сказал вслед ей:

— Но, право, вы не беспокоились бы так, если б видели, как метко попадал я прекрасными плодами вашего сада в грязные головы этих мошенников, — ах, если б вы видели это! — вы дали бы мне два сольдо вместо обещанного одного!

Грубая женщина не поняла скромной гордости победителя, — она только погрозила ему железным кулаком.

Сестра Пепе, девушка много старше, но не умнее его, поступила прислугой — убирать комнаты — на виллу богатого американца. Она сразу же стала чистенькой, румяной и, на хороших хлебах, начала заметно наливать здоровьем соком, как груша в августе.

Брат спросил ее однажды:

— Ты ешь каждый день?

— Два и три раза, если хочу,— с гордостью ответила она.

— Пожалела бы зубы!— посоветовал ей Пепе и задумался, а потом спросил снова:

— Очень богат твой хозяин?

— Он? Я думаю — богаче короля!

— Ну, оставим глупости соседям! А сколько брюк у твоего хозяина?

— Это трудно сказать.

— Десять?

— Может быть, больше...

— Поди-ка, принеси мне одни не очень длинные и теплые,— сказал Пепе.

— Зачем?

— Ты видишь — какие у меня?

Видеть это было трудно,— от штанов Пепе на ногах его оставалось совсем немного.

— Да,— согласилась сестра,— тебе необходимо одеться! Но он ведь может подумать, что мы украли?

Пепе внушительно сказал ей:

— Не нужно считать людей глупее нас! Когда от многого берут немножко, это не кража, а просто дележка!

— Ведь это песня! — не соглашалась сестра, но Пепе быстро уговорил ее, а когда она принесла в кухню хорошие брюки светло-серого цвета и они оказались несколько длиннее всего тела Пепе, он тотчас догадался, как нужно сделать.

— Дай-ка нож! — сказал он.

Вдвоем они живо превратили брюки американца в очень удобный костюм для мальчика: вышел несколько широковатый, но уютный мешок, он придерживался на плечах веревочками, их можно было завязывать вокруг шеи, а вместо рукавов отлично служили карманы.

Они устроили бы еще лучше и удобнее, но им помешала в этом супруга хозяйка брюк: явилась в кухню и начала говорить самые грубые слова на всех языках одинаково плохо, как это принято американцами.

Пепе ничем не мог остановить ее красноречие, он морщился, прикладывал руку к сердцу, хватался в отчаянии за голову, устало вздыхал, но она не могла успокоиться до поры, пока не явился ее муж.

— В чем дело? — спросил он.

И тогда Пепе сказал:

— Синьор, меня очень удивляет шум, поднятый вашей синьорой, я даже несколько обижен за вас. Она, как я понял, думает, что мы испортили брюки, но уверяю вас, что для меня они удобны! Она, должно быть, думает, что я взял последние ваши брюки и вы не можете купить других...

Американец, спокойно выслушав его, заметил:

— А я думаю, молодчик, что надобно позвать полицию.

— Да-а? — очень удивился Пепе. — Зачем?

— Чтобы тебя отвели в тюрьму...

Это очень огорчило Пепе, он едва не заплакал, но сдержался и сказал с достоинством:

— Если это вам нравится, синьор, если вы любите сажать людей в тюрьму, то — конечно! Но я бы не сделал так, будь у меня много брюк, а у вас ни одной пары! Я бы дал вам две, пожалуй — три пары даже; хотя три пары брюк нельзя надеть сразу! Особенно в жаркий день...

Американец расхохотался; ведь иногда и богатому бывает весело.

Потом он угощал Пепе шоколадом и дал ему франк. Пепе попробовал монету зубом и поблагодарил:

— Благодарю вас, синьор! Кажется, монета настоящая?

Всего лучше Пепе, когда он один стоит где-нибудь в камнях, вдумчиво разглядывая их трещины, как будто читая по ним темную историю жизни камня. В эти минуты живые его глаза расширены, подернуты красивой пленкой, тонкие руки за спиной и голова, немножко склоненная, чуть-чуть покачивается, точно чашечка цветка. Он что-то мурлычет тихонько, — он всегда поет.

Хорош он также, когда смотрит на цветы, — лиловыми ручьями льются по стене глицинии, а перед ними этот мальчик вытянулся

струною, будто вслушиваясь в тихий трепет шелковых лепестков под дыханием морского ветра.

Смотрит и поет:

— Фиорино-о... фиорино-о...

Издали, как удары огромного тамбурина, доносятся глухие вздохи моря. Играют бабочки над цветами,— Пепе поднял голову и следит за ними, щурясь от солнца, улыбаясь немножко завистливой и грустной, но все-таки доброй улыбкой старшего на земле.

— Чо!— кричит он, хлопая ладонями, пугая изумрудную ящерицу.

А когда море спокойно, как зеркало, и в камнях нет белого кружева прибоя, Пепе, сидя где-нибудь на камне, смотрит острыми глазами в прозрачную воду: там, среди рыжеватых водорослей, плавно ходят рыбы, быстро мелькают креветки, боком ползет краб. И в тишине, над голубою водой, тихонько течет звонкий, задумчивый голос мальчика:

— О море... море...

Взрослые люди говорят о мальчике:

— Этот будет анархистом!

А кто похвастается, из тех, что более внимательно присматриваются друг ко другу,— те говорят иначе:

— Пепе будет нашим поэтом...

Пасквалино же, столяр, старик с головою, отлитой из серебра, и лицом, точно с древней римской монеты, мудрый и всеми почитаемый Пасквалино говорит свое:

— Дети будут лучше нас, и жить им будет лучше!

Очень многие верят ему.

КЕМ БЫТЬ?

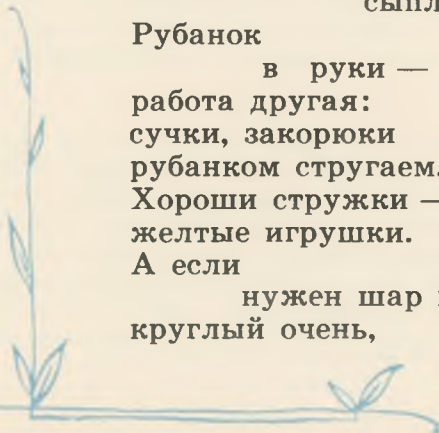

меня растут года,
будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
чем заниматься?

Нужные работники —
столяры и плотники!
Сработать мебель мудрено:
сначала

мы
берем бревно
и пилим доски
длинные и плоские.
Эти доски
вот так
зажимает
стол-верстак.
От работы
пила
раскалилась добела.
Из-под пилки
сыплются опилки.

Рубанок
в руки —
работа другая:
сучки, закорюки
рубанком стругаем.
Хороши стружки —
желтые игрушки.
А если
нужен шар нам
круглый очень,

на станке токарном
круглое точим.
Готовим понемножку
то ящик,
 то ножку.
Сделали вот столько
стульев и столиков!

Столяру хорошо,
а инженеру —
 лучше,
я бы строить дом пошел,
пусть меня научат.

Я
 сначала
 начерчу
дом
 такой,
 какой хочу.

Самое главное,
чтоб было нарисовано
здание

 славное,
живое словно.

Это будет
 перёд,
называется фасад.

Это
 каждый разберет —
это ванна,

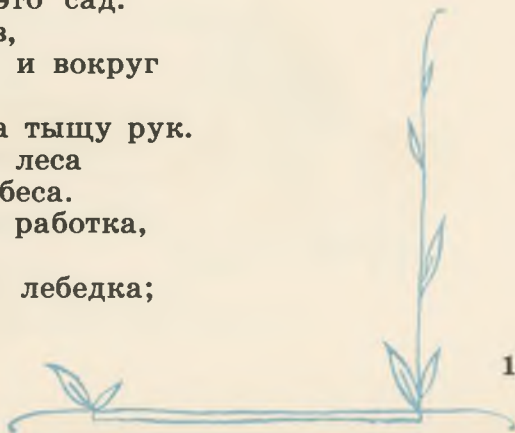
 это сад.

План готов,
 и вокруг

сто работ
 на тыщу рук.

Упираются леса
в самые небеса.
Где трудна работка,
там

 визжит лебедка;

подымает балки,
будто палки.
Перетащит кирпичи,
закаленные в печи.
По крыше выложили жечь.

И дом готов,
и крыша есть.
Хороший дом,
большущий дом
на все четыре стороны,
и заживут ребята в нем
удобно и просторно.

Инженеру хорошо,
а доктору —
лучше,
я б детей лечить пошел,
пусть меня научат.
Я приеду к Пете,
Я приеду к Поле.
— Здравствуйте, дети!
Кто у вас болен?
Как живете,
как животик?—

Погляжу
из очков
кончики язычков.
— Поставьте этот градусник
под мышку, детишки.—
И ставят дети радостно
градусник под мышки.
— Вам бы
очень хорошо
проглотить порошок
и микстуру
ложечкой
пить понемножечку.
Вам
в постельку лечь
поспать бы,
вам —
компрессик на живот,

и тогда
у вас
до свадьбы
все, конечно, заживет.
Докторам хорошо,
а рабочим —
лучше,
я б в рабочие пошел,
пусть меня научат.
Вставай!

Иди!

Гудок зовет,
и мы приходим на завод.
Народа — уйма целая,
тысяча двести.
Чего один не сделает —
сделаем вместе.
Можем

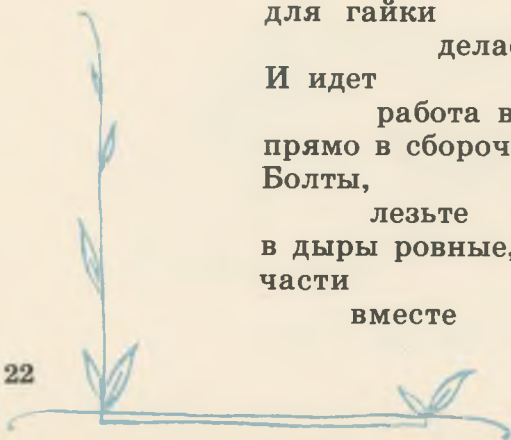
железо
ножницами резать,
краном висящим
тяжести тащим;
молот паровой
гнет и рельсы травой.
Олово плавим,
машинами правим.
Работа всякого
нужна одинаково.
Я гайки делаю,

а ты

для гайки
делаешь винты.

И идет
работа всех
прямо в сборочный цех.
Болты,

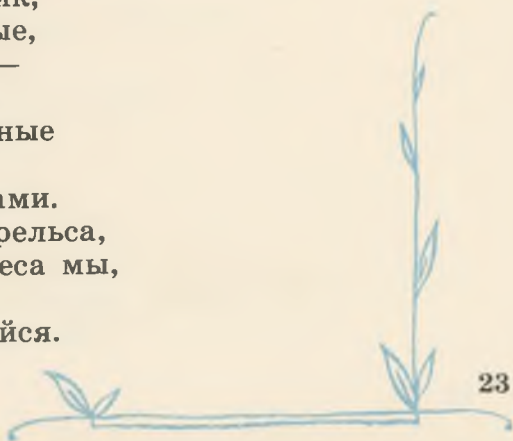
лезьте
в дыры ровные,
части
вместе

сбей
огромные.
Там —
дым,
здесь —
гром.
Гро-
мим
весь
дом.
И вот
вылазит паровоз,
чтоб вас
и нас
и нес
и вез.

На заводе хорошо,
а в трамвае —
лучше,
я б кондуктором пошел,
пусть меня научат.

Кондукторам
езда везде.
С большою сумкой кожаной
ему всегда,
ему весь день
в трамваях ездить можно.
— Большие и дети,
берите билетик,
билеты разные,
бери любые —
зеленые,
красные
и голубые.
Ездим рельсами.
Окончилась рельса,
и слезли у леса мы,
садись
и грейся.

Кондуктору хорошо,
а шоферу —
лучше,
я б в шоферы пошел,
пусть меня научат.

Фырчит машина скорая,
летит, скользя,
хороший шофер я —
сдержатъ нельзя.
Только скажите,
вам куда надо —
без рельсы
жителей
доставлю на дом.

Е-
дем,
ду-
дим:
«С пу-
ти
уй-
ди!»

Быть шофером хорошо,
а летчиком —

лучше,
я бы в летчики пошел,
пусть меня научат.
Наливаю в бак бензин,
завожу пропеллер.
«В небеса, мотор, вези,
чтобы птицы пели».
Бояться не надо
ни дождя,

ни града.
Облетаю тучку,
тучку-летучку.
Белой чайкой паря,
полетел за моря.
Без разговору
облетаю гору.
«Вези, мотор,
чтоб нас довез
до звезд
и до луны,
хотя луна
и масса звезд
совсем отдалены».

Летчику хорошо,
а матросу —
лучше,
я б в матросы пошел,
пусть меня научат.

У меня на шапке лента,
на матроске

якоря.

Я проплавал это лето,
океаны покоря.

Напрасно, волны, скачете —
морской дорожкой
на реях и по мачте,
карабкаюсь кошкой.

Сдавайся, ветер вьюжный,
сдавайся, буря скверная,
открою

полюс

Южный,

а Северный —

наверное.

Книгу переворошив,
намотай себе на ус —
все работы хороши,
выбирай

на вкус!

СОРОЧЬИ СКАЗКИ

СОРОКА

За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобочка и ела пряники.

Покушает, почистит носок и улетит детей пряниками кормить. Раз спрашивает сороку синичка-птичка:

— Откуда, тетенька, ты пряники с начинкой таскаешь? Моим детям тоже бы их поесть охота. Укажи мне это доброе место.

— А у черта на кулижках,— отвечала сорока-белобочка, обманула синичку.

— Неправду ты говоришь, тетенька,— пискнула синичка-птичка,— у черта на кулижках одни сосновые шишки валяются, да и те пустые. Скажи — все равно выслежу.

Испугалась сорока-белобочка, пожадничала, полетела к малиновому кусту и съела и калачи медовые, и пряники с начинкой, все дочиста.

И заболел у сороки живот. Насилу домой доплелась. Сорочат растолкала, легла и охает...

— Что с тобой, тетенька?— спрашивает синичка-птичка,— или болит чего?

— Трудилась я,— охает сорока,— истомилась, кости болят.

— Ну, то-то, а я думала другое что, от другого чего я средство знаю: трава Сандрит от всех болячек целит.

— А где Сандрит-трава растет?— взмолилась сорока-белобочка.

— А у черта на кулижках,— ответила синичка-птичка, крыльшками детей закрыла и заснула.

«У черта на кулижке одни сосновые шишки,— подумала сорока,— да и те пустые»— и затосковала: очень живот болел у белобочкой.

И с боли да тоски на животе сорочьем перья все повылезли, и стала сорока — голобочка.

От жадности.

МЫШКА

Т

о чистому снегу бежит мышка, за мышкой дорожка, где в снегу лапки ступали.

Мышка ничего не думает, потому что в голове у нее мозгу — меньше горошины.

Увидала мышка на снегу сосновую шишку, ухватила зубом, скребет и все черным глазом поглядывает — нет ли хоря.

А злой хорь по мышиным следам ползет, красным хвостом снег метет.

Рот разинул — вот-вот на мышку кинется...

Вдруг мышка царапнула нос о шишку, да с перепугу — нырять в снег, только хвостом вильнула. И нет ее. Хорь даже зубами скрипнул — вот досада. И побрел, побрел хорь по белому снегу. Злющий, голодный — лучше не попадайся.

А мышка так ничего и не подумала об этом случае, потому что в голове мышинной мозгу меньше горошины. Так-то.

КОЗЕЛ

В

поле — тын, под тыном — собачья голова, в голове толстый жук сидит с одним рогом посреди лба.

Шел мимо козел, увидел тын, — разбежался да как хватит тын головой, — тын закрихтел, рог у козла отлетел.

— То-то, — жук сказал, — с одним-то рогом сподручнее, иди ко мне жить.

Полез козел в собачью голову, только морду ободрал.

— Ты и лазить-то не умеешь, — сказал жук, крылья раскрыл и полетел.

Прыгнул козел за ним на тын, сорвался и повис на тыну.

Шли бабы мимо тына — белье полоскать, сняли козла и вальками отлупили.

Пошел козел домой без рога, с драной мордой, с помятыми боками.

Шел — молчал.

Смехота да и только.

ЕЖ

Т

еленок увидел ежа и говорит:
— Я тебя съем!

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Здрав хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа:

— Ой, ой, ой! — заревел теленок и побежал к корове-матери, жалуется:

— Еж меня за язык укусил.

Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покотился в темную нору под рябиновый корень и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть, льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лес.

— У нас еж — богатырь, — шепотом со страху говорили звери.

ЛИСА

Т

од осиной спала лиса и видела воровские сны.

Спит лиса, не спит ли — все равно нет от нее житья зверям.

И ополчились на лису — еж, дятел да ворона.

Дятел и ворона вперед полетели, а еж следом покотился.

Дятел да ворона сели на осину...

— Тук... тук... тук... — застучал дятел клювом по коре.

И лиса увидела сон — будто страшный мужик топором машет, к ней подбирается.

Еж к осине подбегает, и кричит ему ворона:

— Карр еж!.. карр еж!..

«Кур ешь, — думает лиса, — догадался проклятый мужик».

А за ежом ежиха да ежата катятся, пыхтят, переваливаются...

— Карр ежи! — заорала ворона.

«Караул, вяжи!» — подумала лиса, да как спросонок вскочит, а ежи ее иголками в нос...

— Отрубили мой нос, смерть пришла, — ахнула лиса и бежать. Прыгнул на нее дятел и давай долбить лисе голову.

А ворона вдогонку: «Карр».

С тех пор лиса больше в лес не ходила, не воровала.

Выжили душегуба.

ЗАЯЦ

А етит по снегу поземка, метет сугроб на сугроб... На кургане поскрипывает сосна:

— Ох, ох, кости мои старые, ноченька-то разыгралась, ох, ох...

Под сосной, насторожив уши, сидит заяц.

— Что ты сидишь, — стонет сосна, — съест тебя волк, — убежал бы.

— Куда мне бежать, кругом бело, все кустики замело, есть нечего...

— А ты порой, поскреби.

— Нечего искать, — сказал заяц и опустил уши.

— Ох, старые глаза мои, — закричала сосна, — бежит кто-то, должно быть, волк, — волк и есть.

Заяц заметался:

— Спрячь меня, бабушка...

— Ох, ох, ну, прыгай в дупло, косой.

Прыгнул заяц в дупло, а волк подбегает и кричит сосне:

— Сказывай, старуха, где косой?

— Почему я знаю, разбойник, не стерегу я зайца, вон ветер как разгулялся, ох, ох...

Метнул волк серым хвостом, лег у корней, голову на лапы положил. А ветер свистит в сучьях, крепчает...

— Не вытерплю, не вытерплю, — скрипит сосна.

Снег гуще повалил, налетел лохматый буран, подхватил белые сугробы, кинул их на сосну.

Напружилась сосна, крикнула и сломалась...

Серого волка, падая, до смерти зашибла...

Замело их бураном обоих.

А заяц из дупла выскочил и запрыгал куда глаза глядят.

«Сирота я, — думал заяц, — была у меня бабушка-сосна да и ту замело...»

И капали в снег пустяковые заячьи слезы.

КОТ-ВАСЬКА

У Васьки-кота поломались от старости зубы, а ловить мышей большой был охотник Васька-кот.

Лежит целые дни на теплой печурке и думает — как бы зубы поправить...

И надумал, а надумавши, пошел к старой колдунье.

— Баушка,— замурлыкал кот,— приставь мне зубы, да острые, железные, костяны-то я давно обломал.

— Ладно,— говорит колдунья,— за это отдашь мне то, что поймаешь в первый раз.

Поклялся кот, взял железные зубы, побежал домой.

Не терпится ему ночью, ходит по комнате, мышей вынюхивает.

Вдруг будто мелькнуло что-то, бросился кот, да видно промахнулся.

Пошел — опять метнулось.

«Погоди же!» — думает кот-Васька, остановился, глаза скосил и поворачивается, да вдруг как прыгнет, завертелся волчком и ухватил железными зубами свой хвост.

Откуда ни возьмись явилась старая колдунья.

— Давай,— говорит,— хвост по уговору. Заурлыкал кот, замаякал, слезами облился. Делать нечего. Отдал хвост. И стал кот — куцый. Лежит целые дни на печурке и думает:

«Пропади они, железные зубы, пропадом!»

ГРИБЫ

Братца звали Иван, а сестрицу — Косичка. Мамка была у них сердитая: посадит на лавку и велит молчать. Сидеть скучно, мухи кусаются или Косичка ципнет — и пошла возня, а мамка рубашонку задерет да — шлеп...

В лес бы уйти, там хоть на голове ходи — никто слова не скажет...

Подумали об этом Иван да Косичка да в темный лес и удрали.

Бегают, на деревья лазают, кувыркаются в траве, — никогда визга такого в лесу не было слышно.

К полудню ребяташки уgomонились, устали, захотели есть.

— Поесть бы, — захныкала Косичка.

Иван начал живот чесать — догадываться.

— Мы гриб найдем и съедим, — сказал Иван. — Пойдем, не хнычь.

Нашли они под дубом боровика и только сорвать его нацелились, Косичка зашептала:

— А, может, грибу больно, если его есть?

Иван стал думать. И спрашивает:

— Боровик, а боровик, тебе больно, если тебя есть?

Отвечает боровик хрипучим голосом:

— Больно.

Пошли Иван да Косичка под березу, где рос подберезовик, и спрашивают у него:

— А тебе, подберезовик, если тебя есть, больно?

— Ужасно больно, — отвечает подберезовик.

Спросили Иван да Косичка под осиной подосинника, под сосной — белого, на лугу — рыжика, груздя сухого да груздя мокрого, синявку-малявку, опенку тощую, масленника, лисичку и сыроежку:

— Больно, больно, — пищат грибы.

А груздь мокрый даже губами зашлепал:

— Што вы ко мне приштали, ну ваш к лешему...

— Ну, — говорит Иван, — у меня живот подвело.

А Косичка дала реву.

Вдруг из-под прелых листьев вылезает красный гриб, словно мукой сладкой обсыпан — плотный, красивый.

Ахнули Иван да Косичка:

— Миленький гриб, можно тебя съесть?

— Можно, детки, можно, с удовольствием, — приятным голосом отвечает им красный гриб, так сам в рот и лезет.

Присели над ним Иван да Косичка и только разинули рты, — вдруг, откуда ни возьмись, налетают грибы боровик и подберезовик, подосинник и белый, опенка тощая и синявка-малявка, мокрый груздь да груздь сухой, масленник, лисичка и сыроежки, и давай красного гриба колотить-колошматить:

— Ах ты, яд, Мухомор, чтобы тебе лопнуть, ребятишек травить удумал...

С Мухомора только мука летит.

— Посмеяться я хотел, — вопит Мухомор...

— Мы тебе посмеемся! — кричат грибы и так навалились, что осталось от Мухомора мокрое место — лопнул.

И где мокро осталось, там даже трава завяла с мухоморьего яда...

— Ну, теперь, ребятишки, раскройте рты по-настоящему, — сказали грибы.

И все грибы, до единого, к Ивану да Косичке, один за другим, скок в рот — и проглотились.

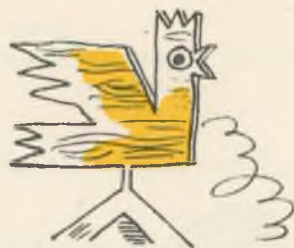
Наелись до отвалу Иван да Косичка и тут же заснули.

А к вечеру прибежал заяц и повел ребятишек домой.

Увидела мамка Ивана да Косичку, обрадовалась, всего по одному шлепку отпустила, да и то любя, а зайцу дала капустный лист:

— Ешь, барабанщик!

ПЕТУШКИ

На избушке бабы-яги, на деревянной ставне, вырезаны девять петушков. Красные головки, крылышки золотые. Настанет ночь, проснутся в лесу древяницы и кикиморы, примутся ухать да возиться, и захочется петушкам тоже ноги поразмять. Соскочат со ставни в сырую траву, нагнут шейки и забегают. Щиплют траву, дикие ягоды. Леший попадетса, и лешего за пятку ущипнут.

Шорох, беготня по лесу.

А на заре вихрем примчится баба-яга на ступе с трещиной и крикнет петушкам:

— На место, бездельники!

Не смеют слушаться петушки и, хоть не хочется, — прыгают в ставню и делаются деревянными, как были.

Но раз на заре не явилась баба-яга — ступа дорогой в болоте завязла.

Радехоньки петушки; побежали на чистую кулижку, взлетели на сосну. Взлетели и ахнули:

Дивное диво! Алой полосой над лесом горит небо, разгорается; бегае ветер по листикам; садится роса.

А красная полоса разливается, яснее. И вот выкатило огненное солнце.

В лесу светло, птицы поют, и шумят, шумят листья на деревьях.

У петушков дух захватило. Хлопнули они золотыми крылышками и запели — кукареку! С радости.

А потом полетели за дремучий лес на чистое поле, подальше от бабы-яги.

И с тех пор на заре просыпаются петушки и кукуречут.

— Кукуреку, пропала баба-яга, солнце идет!

МЕРИН

Жил у старика на дворе сивый мерин, хороший, толстый, губа нижняя лопатой, а хвост лучше и не надо, как труба, во всей деревне такого хвоста не было.

Не наглядится старик на сивого, все похваливает. Раз ночью пронюхал мерин, что овес на гумне молотили, пошел туда, и напали на мерина десять волков, поймали, хвост ему отъели, — мерин брыкался, брыкался, отбрыкался, ускакал домой без хвоста.

Увидел старик поутру мерина куцого и загоревал — без хвоста все равно, что без головы — глядеть противно. Что делать?

Подумал старик да мочальный хвост мерину и пришил.

А мерин — вороват, опять ночью на гумно за овсом полез.

Десять волков тут как тут; опять поймали мерина, ухватили за мочальный хвост, оторвали, жрут и давятся — не лезет мочала в горло волчье.

А мерин отбрыкался, к старику ускакал и кричит:

— Беги на гумно скорей, волки мочалкой давятся.

Ухватил старик кол, побежал.

Глядит — на току десять серых волков сидят и кашляют.

Старик — колом, мерин — копытом и приударили на волков.

Взвыли серые, прощенья стали просить.

— Хорошо, — говорит старик, — прощу, приешьте только мерину хвост. Взвыли еще раз волки и пришили.

На другой день вышел старик из избы, дай, думает, на сивого посмотрю; глянул, а хвост у мерина крючком — волчий.

Ахнул старик, да поздно: на заборе ребятишки сидят, покатываются, гогочут.

— Дедка-то — лошадям волчьи хвосты выращивает.

И прозвали с тех пор старика — хвостырь.

ГОРШОК

Жночи стряпуха умаялась, заснула на полу около печи и так захрапела — тараканы обмирали со страха, шлепались, куда ни попало, с потолка да со стен.

В лампе над столом пованивал голубой огонек.

И вот в печке сама собой отодвинулась заслонка, вылез пузатый горшок со щами и снял крышку:

— Здравствуй, честной народ.

— Здравствуй,— важно ответила квашня.

— Хи, хи,— залезбил глиняный противень,— здравствуйте! — и клюнул носиком.

На противень покосилась скалка:

— Не люблю подлых бесед,— сказала она громко,— ох, чешутся чьи-то бока.

Противень нырнул в печурку на шестке.

— Не трогай его,— сказал горшок.

Грязный нос вытерла худая кочерга и зашмыгала:

— Опять ругаетесь, нет на вас Угомону; мотаешься, мотаешься целый день, а ночью поспать не дадут.

— Кто меня звал?— шибырнул Угомон под печкой.

— Это не я, а кочерга, это она сегодня по спине стряпуху съездила,— сказала скалка.

Кочерга метнулась:

— И не я, а ухват, сам хозяин ухватом съездил стряпуху.

Ухват, расставив рога, дремал в углу, ухмылялся.

Горшок надул щеки и сказал:

— Объявляю вам, что варить щей больше не желаю, у меня в боку трещина.

— Ах, батюшки! — разохалась кочерга.

— Не больно надо,— ответила скалка.

Противень выскочил из печурки и заюлил:

— Трещина, замазочкой бы, тестом тоже помогает.

— Помажь тестом,— сказала квашня.

Грязная ложка соскочила с полки, зачерпнула тесто и помазала горшок.

— Все равно,— сказал горшок,— надоело, лопну я и замазанный.

Квашня стала пучиться и пузырями щелкать — смеялась.

— Так вот,— говорил горшок,— хочу я, честной народ, шлепнуться на пол и расколоться.

— Поживите, дяденька,— вопил противень,— не во мне же щи варить.

— Хам! — гаркнула скалка и кинулась. Едва отскочил противень, только носок отшибла ему скалка.

— Батюшки, драка! — заметалась кочерга.

Из печурки выкатилась солоница и запикала:

— Не нужно ли кого посолить?

— Успеешь, успеешь насолить,— грустно ответил горшок: он был стар и мудр.

Старуха стала причитать во сне:

— Родненькие мои горшочки!

Горшок заторопился, снял крышку:

— Прощай, честной народ, сейчас разобьюсь.

И совсем уже с шестка сигануть хотел, как вдруг, спросонок, ухватил его рогами дурень ухват и махнул в печь.

Противень прыгнул за горшком, заслонка закрылась сама собой, а скалка скатилась с шестка и ударила по голове стряпуху.

— Чур меня, чур...— залопотала стряпуха. Кинулась к печке — все на месте, как было.

В окошке брезжил, словно молоко снятое, утренник.

— Затоплять пора, — сказала стряпуха и зевнула, вся даже выворотилась.

А когда открыла заслонку — в печи лежал горшок, расколотый на две половинки, щи пролились, и шел по избе дух крепкий и кислый.

Стряпуха только руками всплеснула. И попало же ей за завтраком!

КУРИНЫЙ БОГ

Мужик пахал и сошником выворотил круглый камень, посреди камня дыра.

— Эге, — сказал мужик, — да это куриный бог.

Принес его домой и говорит хозяйке:

— Я куриного бога нашел, повесь его в курятнике, куры целее будут.

Баба послушалась и повесила за мочалку камень в курятнике, около насеста.

Пришли куры ночевать, камень увидели, поклонились все сразу и закудахтали:

— Батюшка Перун, охрани нас молотом твоим, камнем грозовым от ночи, от немочи, от росы, от лисиной слезы.

Покудахтали, белой перепонкой глаза закрыли и заснули.

Ночью в курятник вошла куриная слепота, хочет измором кур взять.

Камень раскачался и стукнул куриную слепоту, — на месте осталась.

За куриной слепотой следом вползла лиса, сама, от притворства, слезы точит, приловчилась петуха за шейку схватить, — ударил камень лису по носу, покатила лиса кверху лапками.

К утру налетела черная гроза, трещит гром, полыхают молнии — вот-вот ударят в курятник.

А камень на мочалке как хватит по насесту, попадали куры, разбежались, спросонок, кто куда.

Молния пала в курятник, да никого не ушибла — никого там и не было.

Утром мужик да баба заглянули в курятник и подивились:
— Вот так куриный бог — куры-то целехоньки.

КАРТИНА

Захотела свинья ландшафт писать. Подошла к забору, в грязи обвалялась, потерлась потом грязным боком о забор — картина и готова.

Свинья отошла, прищурилась и хрюкнула.

Тут скворец подскочил, попрыгал, попикал и говорит:

— Плохо, скучно!

— Как? — сказала свинья и насупилась — прогнала скворца.

Пришли индюшки, шейками покивали, сказали:

— Так мило, так мило!

А индюк шаркнул крыльями, надулся, даже покраснел и гаркнул.

— Какое великое произведение!..

Прибежал тощий пес, обнюхал картину, сказал:

— Недурно, с чувством, продолжайте, — и поднял заднюю ногу.

Но свинья даже и глядеть на него не захотела.

Лежала свинья на боку, слушала похвалы и похрюкивала.

В это время пришел маляр, пхнул ногой свинью и стал забор красной краской мазать.

Завизжала свинья, на скотный двор побежала:

— Пропала моя картина, замазал ее маляр краской... Я не переживу горя!..

— Варвары... варвары... — закурлыкал голубь.

Все на скотном дворе охали, ахали, утешали свинью, а старый бык сказал:

— Врет она... переживет.

ЧУК И ГЕК

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далеком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днем и ночью сверкали над башнями этого города красные звезды. И, конечно, этот город назывался Москва.

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Гekom был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что или Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама. А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слезы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принес письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба ее прекрасных сына, лежа на спинах, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала. Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над ее темными бровями.

Всем известно, что письма бывают веселые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за ее лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо веселое.

— Отец не придет, — откладывая письмо, сказала мать: — у него еще много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Оба разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не придет, — продолжала мать, — но он зовет нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак-человек, — вздохнула мать. — Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да, — подхватил Чук, — раз он зовет, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый, — сказала мать. — Туда ехать тысячу и еще тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнешься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсекунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, все их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что веселый у нее был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже.

Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в нее гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без нее у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведет их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обертки (если там был нарисован танк, самолет или красноармеец), галчинные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и еще всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шел доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошел почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошел узнать, почему это Гек уже не поет песни, а кричит:

**Р-ра! Р-ра! Ура!
Эй! Бей! Турумбей!**

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой «турумбей», что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в желтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберег в дальнюю дорогу.

И, увидав продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил ее о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорбленный Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!», в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почувяв неладное, вслед за Чуком понесся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала еще никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и ее утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадет им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, опасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек: а что, если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя,— вздохнул Гек.— Мама за вранье всегда еще хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук.— Если она спросит, где телеграмма,— мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперед высказывать? Мы не выскочки.

— Ладно,— согласился Гек.— Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но все же она сразу заметила, что у ее дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане,— отряхиваясь от снега, спросила мать,— из-за чего без меня была драка?

— Драки не было,— отказался Чук.

— Не было,— подтвердил Гек.— Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье,— сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твердые зеленые билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснуло.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила.

Назавтра они уехали. Но так как поезд уходил очень поздно, то сквозь черные окна Чук и Гек при отъезде ничего интересного не увидели.

Ночью Гек проснулся, чтобы выпить. Лампочка на потолке была потушена, однако все вокруг Гека было озарено голубым светом: и вздрагивающий стакан на покрытом салфеткой столике, и желтый апельсин, который казался теперь зеленоватым, и лицо мамы, которая, покачиваясь, спала крепко-крепко. Через снежное узорное окно вагона Гек увидел луну, да такую огромную, какой в Москве и не бывает. И тогда он решил, что поезд уже мчится по высоким горам, откуда до луны ближе.

Он растолкал маму и попросил выпить. Но пить ему она по одной причине не дала, а велела отломить и съесть дольку апельсина.

Гек обиделся, дольку отломил, но спать ему уже не захотелось. Он потолкал Чука — не проснется ли. Чук сердито фыркнул и не просыпался.

Тогда Гек надел валенки, приоткрыл дверь и вышел в коридор.

Коридор вагона был узкий и длинный. Возле наружной стены его были приделаны складные скамейки, которые сами с треском захлопывались, если с них слезешь. Сюда же, в коридор, выходило еще десять дверей. И все двери были блестящие, красные, с желтыми золочеными ручками.

Гек посидел на одной скамейке, потом на другой, на третьей и так добрался почти до конца вагона. Но тут прошел проводник с фонарем и пристыдил Гека, что люди спят, а он скамейками хлопает.

Проводник ушел, а Гек поспешно направился к себе в купе. Он с трудом приоткрыл дверь. Осторожно, чтобы не разбудить маму, закрыл и кинулся на мягкую постель. А так как толстый Чук развалился во всю ширь, то Гек бесцеремонно ткнул его кулаком, чтобы тот подвинулся.

Но тут случилось нечто страшное: вместо белобрысого, круглоголового Чука на Гека глянуло сердитое усатое лицо какого-то дядьки, который строго спросил:

— Это кто же здесь толкается?

Тогда Гек завопил что есть мочи. Перепуганные пассажиры повскакивали со всех полок, вспыхнул свет, и, увидев, что он попал не в свое купе, а в чужое, Гек заорал еще громче.

Но все люди быстро поняли, в чем дело, и стали смеяться. Усатый дядька надел брюки, военную гимнастерку и отвел Гека на место.

Гек проскользнул под свое одеяло и притих. Вагон покачивало, шумел ветер.

Невиданная огромная луна опять озаряла голубым светом вздрагивающий стакан, оранжевый апельсин на белой салфетке и лицо матери, которая во сне чему-то улыбалась и совсем не знала, какая беда приключилась с ее сыном.

Наконец заснул и Гек.

...И снился Геку странный сон:

Как будто ожил весь вагон,

Как будто слышны голоса

От колеса до колеса.

Бегут вагоны — длинный ряд —

И с паровозом говорят.

Первый. Вперед, товарищ! Путь далек

Перед тобой во мраке лег.

Второй. Светите ярче, фонари,

До самой утренней зари!

Третий. Гори, огонь! Труби, гудок!

Крутись, колеса, на восток!

Четвертый. Тогда закончим разговор,

Когда домчим до Синих гор.

Когда Гек проснулся, колеса, уже без всяких разговоров, мерно постукивали под полом вагона. Сквозь морозные окна светило солнце. Постели были заправлены. Умытый Чук грыз яблоко. А мама и усатый военный против распахнутых дверей хохотали над ночными похождениями Гека. Чук сразу же показал Геку карандаш с наконечником из желтого патрона, который он получил в подарок от военного.

Но Гек до вещей был не завистлив и не жаден. Он, конечно, был растеря и разиня. Мало того, что он ночью забрался в чужое купе, — вот и сейчас он не мог вспомнить, куда засунул свои брюки. Но зато Гек умел петь песни.

Умывшись и поздоровавшись с мамой, он прижался лбом к холодному стеклу и стал смотреть, что это за край, как здесь живут и что делают люди.

И пока Чук ходил от дверей к дверям и знакомился с пассажирами, которые охотно дарили ему всякую ерунду — кто резиновую пробку, кто гвоздь, кто кусок крученой бечевки, — Гек за это время увидел через окно немало.

Вот лесной домик. В огромных валенках, в одной рубашке и с кошкой в руках выскочил на крыльцо мальчишка. Трах! — кошка кувырком полетела в пушистый сугроб и, неловко карабкаясь, запрыгала по рыхлому снегу. Интересно, за что это он ее бросил? Вероятно, что-нибудь со стола стянула.

Но уже нет ни домика, ни мальчишки, ни кошки — стоит в поле завод. Поле белое, трубы красные. Дым черный, а свет желтый. Интересно, что на этом заводе делают? Вот будка, и, укутанный

в тулуп, стоит часовой. Часовой в тулупе огромный, широкий, и винтовка его кажется тоненькой, как соломинка. Однако попробуй-ка, сунься!

Потом пошел танцевать лес. Деревья, что были поближе, прыгали быстро, а дальние двигались медленно, как будто их тихо кружила ластная снежная река.

Гек откликнул Чука, который возвращался в купе с богатой добычей, и они стали смотреть вместе.

Встречались на пути станции большие, светлые, на которых шипело и пыхтело сразу штук по сто паровозов; встречались станции и совсем крохотные, — ну, право, не больше того продуктового ларька, что торговал разной мелочью на углу возле их московского дома.

Проносились навстречу поезда, груженные рудой, углем и громадными, толщиной в полвагона, бревнами.

Нагнали они эшелон с быками и коровами. Паровозишко у этого эшелона был невзрачный, и гудок у него тонкий, писклявый, а тут как один бык рывкнул: му-у!.. Даже машинист обернулся и, наверное, подумал, что это его большой паровоз нагоняет.

А на одном разъезде бок о бок остановились они рядом с могучим железным бронепоездом. Грозно торчали из башен укутанные брезентом орудия. Красноармейцы весело топали, смеялись и, хлопая варежками, отогревали руки.

Но один человек в кожанке стоял возле бронепоезда молчалив и задумчив. И Чук с Геком решили, что это, конечно, командир, который стоит и ожидает, не придет ли приказ от Ворошилова открыть против кого-нибудь бой.

Да, немало всякого они за дорогу повидали. Жаль только, что на дворе бушевали метели и окна вагона часто бывали наглухо залеплены снегом.

И вот наконец утром поезд подкатил к маленькой станции.

Только-только мать успела ссадить Чука с Геком и принять от военного вещи, как поезд умчался.

Чемоданы были свалены на снег. Деревянная платформа вскоре опустела, а отец встречать так и не вышел.

Тогда мать на отца рассердилась и, оставив детей караулить вещи, пошла к ямщикам узнавать, какие за ними отец прислал сани, потому что до того места, где он жил, оставалось ехать еще километров сто тайгою. Мать ходила очень долго, а тут еще неподалеку появился страшный козел. Сначала он глодал кору с замороженного бревна, но потом противно мемекнул и что-то очень пристально стал на Чука с Геком поглядывать.

Тогда Чук и Гек поспешно укрылись за чемоданами, потому что кто его знает, что в этих краях козлам надо.

Но вот вернулась мать. Она была совсем опечалена и объяснила, что, вероятно, отец телеграмму о их выезде не получил и поэтому лошадей на станцию он за ними не прислал.

Тогда они позвали ямщика. Ямщик длинным кнутом огрел козла по спине, забрал вещи и понес их в буфет вокзала.

Буфет был маленький. За стойкой пыхтел толстый, ростом с Чука, самовар. Он дрожал, гудел, и густой пар его, как облако, поднимался к бревенчатому потолку, под которым чирикали залетевшие погреться воробьи.

Пока Чук с Геком пили чай, мать торговалась с ямщиком: сколько он возьмет, чтобы довести их в лес до места. Ямщик просил очень много — целых сто рублей. Да и то сказать: дорога и на самом деле была не ближняя. Наконец они договорились, и ямщик побежал домой за хлебом, за сеном и за теплыми тулупами.

— Отец и не знает, что мы уже приехали, — сказала мать, — То-то он удивится и обрадуется!

— Да, он обрадуется, — прихлебывая чай, важно подтвердил Чук. — И я удивлюсь и обрадуюсь тоже.

— И я тоже, — согласился Гек. — Мы подъедем тихонько, и если папа куда-нибудь вышел из дома, то мы чемоданы спрячем, а сами залезем под кровать. Вот он приходит. Сел. Задумался. А мы молчим, да вдруг как завоем!

— Я под кровать не полезу, — отказалась мать, — и выть не буду тоже. Лезьте и войте сами... Зачем ты, Чук, сахар в карман прячешь? И так у тебя карманы полны, как мусорный ящик.

— Я лошадей кормить буду, — спокойно объяснил Чук. — Забирай, Гек, и ты кусок ватрушки. А то у тебя никогда ничего нет. Только и знаешь у меня выпрашивать!

Вскоре пришел ямщик. Уложили в широкие сани багаж, взбили сено, укутались одеялами, тулупами.

Прощайте, большие города, заводы, станции, деревни, поселки! Теперь впереди только лес, горы и опять густой, темный лес.

Почти до сумерек, охая, ахая и дивясь на дремучую тайгу, они проехали незаметно. Но вот Чуку, которому из-за спины ямщика плохо была видна дорога, стало скучно. Он попросил у матери пирожка или булки.

Но ни пирожка, ни булки мать ему, конечно, не дала. Тогда он насутился и от нечего делать стал толкать Гека и отжимать его к краю.

Сначала Гек терпеливо отпихивался. Потом вспылил и плюнул на Чука. Чук обозлился и кинулся в драку. Но так как руки их были стянуты тяжелыми меховыми тулупами, то они ничего не могли поделывать, кроме как стукать друг друга укутанными в башлыки лбами.

Посмотрела на них мать и рассмеялась. А тут ямщик ударил кнутом по коням — и рванули кони. Выскочили на дорогу и затанцевали два белых пушистых зайца.

Ямщик закричал:

— Эй, эй! Ого-го!.. Берегись: задавим!

С хохотом умчались в лес озорные зайцы. Дул в лицо свежий ветер. И, поневоле прижавшись друг к другу, Чук и Гек помчались в санях под гору навстречу тайге и навстречу луне, которая медленно выползала из-за уже недалеких Синих гор.

Но вот безо всякой команды кони стали возле маленькой, занесенной снегом избушки.

— Здесь ночуем, — сказал ямщик, соскакивая в снег. — Это наша станция.

Избушка была маленькая, но крепкая. Людей в ней не было.

Быстро вскипятил ямщик чайник; принесли из саней сумку с продуктами.

Колбаса до того замерзла и затвердела, что ею можно было забивать гвозди. Колбасу ошпарили кипятком, а куски хлеба положили на горячую плиту.

За печкой Чук нашел какую-то кривую пружину, и ямщик сказал ему, что это пружина от капкана, которым ловят всякого зверя. Пружина была ржавая и валялась без дела. Это Чук сообразил сразу.

Попили чаю, поели и легли спать. У стены стояла широкая деревянная кровать. Вместо матраца на ней были навалены сухие листья.

Гек не любил спать ни у стены, ни посередине. Он любил спать с краю. И хотя еще с раннего детства он слышал песню «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», Гек все равно всегда спал с краю.

Если же его клали в серединку, то во сне он сбрасывал со всех одеяла, отбивался локтями и толкал Чука в живот коленом.

Не раздеваясь и укрывшись тулупами, они улеглись: Чук у стенки, мать посередине, а Гек с краю.

Ямщик потушил свечку и полез на печь. Разом все уснули. Но, конечно, как и всегда, ночью Геку захотелось пить, и он проснулся.

В полудреме он надел валенки, добрался до стола, глотнул воды из чайника и сел перед окном на табуретку.

Луна была за тучками, и сквозь маленькое окошко сугробы снега казались черно-синими.

«Вот как далеко занесло нашего папу!» — удивился Гек. И он подумал, что, наверное, дальше, чем это место, уже и не много осталось мест на свете.

Но вот Гек прислушался. За окном ему почудился стук. Это был даже не стук, а скрип снега под чьими-то тяжелыми шагами. Так и есть! Вот во тьме что-то тяжело вздохнуло, зашевелилось, заворчал, и Гек понял, что это мимо окна прошел медведь.

— Злобный медведь, что тебе надо? Мы так долго едем к папе, а ты хочешь нас сожрать, чтобы мы его никогда и не увидели?.. Нет, уходи прочь, пока люди не убили тебя метким ружьем или острой саблей!

Так думал и бормотал Гек, а сам со страхом и любопытством крепче и крепче прижимался лбом к обледенелому стеклу узкого окошка.

Но вот из-за быстрых туч стремительно выкатилась луна. Черно-синие сугробы засверкали мягким матовым блеском, и Гек увидел, что медведь этот вовсе не медведь, а просто это отвязавшаяся лошадь ходит вокруг саней и ест сено.

Было досадно. Гек залез на кровать под тулуп, а так как только что он думал о нехорошем, то и сон к нему пришел угрюмый.

Приснился Геку странный сон:
Как будто страшный Турворон
Плюет слюной, как кипятком,
Грозит железным кулаком.

Кругом пожар, блестят штыки.
И вот буржуйские полки,
Ударив в медный барабан,
Идут войной из дальних стран.

— Пойдите! — закричал им Гек. — Вы не туда идете! Здесь нельзя!

Но никто не постоял, и его, Гека, не слушали.

В гневе тогда выхватил Гек жестяную сигнальную дуду, ту, что лежала у Чука в картонке из-под ботинок, и загудел так громко, что быстро поднял голову задумчивый командир железного бронепоезда, властно махнул рукой — и разом ударили залпом его тяжелые и грозные орудия.

— Хорошо! — похвалил Гек. — Только стрельните еще, а то одного раза им, наверное, мало...

Мать проснулась оттого, что оба ее дорогих сына с двух сторон нестерпимо толкались и ворочались.

Она повернулась к Чуку и почувствовала, как в бок ей ткнуло что-то твердое и острое. Она пошарила и достала из-под одеяла пружину от капкана, которую запасливый Чук тайно притащил с собой в постель.

Мать швырнула пружину за кровать. При свете луны она заглянула в лицо Геку и поняла, что ему снится тревожный сон.

Сон, конечно, не пружина, и его нельзя выкинуть. Но его можно потушить. Мать повернула Гека со спины на бок и, покачивая, тихонько подула на его теплый лоб.

Вскоре Гек засопел, улыбнулся, и это означало, что плохой сон погас.

Тогда мать встала и в чулках, без валенок, подошла к окошку.

Еще не светало, и небо было все в звездах. Иные звезды горели высоко, а иные склонялись над черной тайгой совсем низко.

И — удивительное дело! — тут же и так же, как маленький Гек, она подумала, что дальше, чем это место, куда занесло ее беспокойного мужа, наверное, и не много осталось мест на свете.

Весь следующий день дорога шла лесом и горами. На подъеме ямщик соскакивал с саней и шел по снегу рядом. Но зато на крутых спусках сани мчались с такой быстротой, что Чуку с Геком казалось, будто бы они вместе с лошадьми и санями проваливаются на землю прямо с неба.

Наконец под вечер, когда и люди и кони уже порядком устали, ямщик сказал:

— Ну, вот и приехали! За этим мыском поворот. Тут, на поляне, и стоит ихняя база... Эй, но-о!.. Наваливай!

Весело взвизгнув, Чук и Гек вскочили, но сани дернули, и они дружно плюхнулись в сено.

Улыбающаяся мать скинула шерстяной платок и осталась только в пушистой шапке.

Вот и поворот. Сани лихо развернулись и подкатили к трем домишкам, которые торчали на небольшой, укрытой от ветров опушке.

Очень странно! Не лаяли собаки, не было видно людей. Не валил дым из печных труб. Все дорожки были занесены глубоким снегом, а кругом стояла тишина, как зимой на кладбище. И только белобокие сороки бестолково скакали с дерева на дерево.

— Ты куда же нас привез? — в страхе спросила у ямщика мать. — Разве нам сюда надо?

— Куда рядился, туда и привез, — ответил ямщик. — Вот эти дома называются «Разведывательно-геологическая база номер три». Да вот и вывеска на столбе... Читайте. Может быть, вам нужна база под названием номер четыре? Так то километров двести совсем в иную сторону.

— Нет, нет! — взглянув на вывеску, ответила мать. — Нам нужна

эта самая. Но ты посмотри: двери на замках, крыльцо в снегу, а куда же девались люди?

— Я не знаю, куда б им деваться,— удивился и сам ямщик.— На прошлой неделе мы сюда продукт возили: муку, лук, картошку. Все люди тут были: восемь человек, начальник девятый, со сторожем десять... Вот еще забота! Не волки же их всех поели... Да вы стойте, я пойду посмотрю в сторожку.

И, сбросив тулуп, ямщик зашагал через сугробы к крайней избушке.

Вскоре он вернулся:

— Изба пуста, а печка теплая. Значит, здесь сторож, да, видать, ушел на охоту. Ну, к ночи вернется и все вам расскажет.

— Да что он мне расскажет! — ахнула мать.— Я и сама вижу, что людей здесь уже давно нету.

— Это я уж не знаю, что он расскажет,— ответил ямщик.— А что-нибудь рассказать должен, на то он и сторож.

С трудом подъехали они к крыльцу сторожки, от которого к лесу вела узенькая тропка.

Они вошли в сени и мимо лопат, метел, топоров, палок, мимо промерзлой медвежьей шкуры, что висела на железном крюку, прошли в избушку. Вслед за ними ямщик тащил вещи.

В избушке было тепло. Ямщик пошел задавать лошадям корм, а мать молча раздевала перепуганных ребятишек.

— Ехали к отцу, ехали — вот тебе и приехали!

Мать села на лавку и задумалась. Что случилось, почему на базе пусто и что теперь делать? Ехать назад? Но у нее денег оставалось только-только заплатить ямщику за дорогу. Значит, надо было ожидать, когда вернется сторож. Но ямщик через три часа уедет обратно, а вдруг сторож возьмет да не скоро вернется? Тогда как? А ведь отсюда до ближайшей станции и телеграфа почти сто километров!

Вошел ямщик. Оглядев избу, он потянул носом воздух, подошел к печке и открыл заслонку.

— Сторож к ночи вернется,— успокоил он.— Вот в печи горшок со щами. Кабы он ушел надолго, он бы щи на холод вынес... А то как хотите,— предложил ямщик.— Раз уж такое дело, то я не чурбак. Я вас назад до станции бесплатно доставлю.

— Нет,— отказалась мать.— На станции нам делать нечего.

Опять поставили чайник, подогрели колбасу, поели, попили, и пока мать разбирала вещи, Чук с Геком забрался на теплую печку. Здесь пахло березовыми вениками, горячей овчиной и сосновыми щепками. А так как расстроенная мать была молчалива, то Чук с Геком молчали тоже. Но долго молчать не намолчишься, и поэтому, не найдя себе никакого дела, Чук и Гек быстро и крепко уснули.

Они не слышали, как уехал ямщик и как мать, забравшись на печку, улеглась с ними рядом. Они проснулись уже тогда, когда в избе было совсем темно. Проснулись все разом, потому что на крыльце послышался топот, потом что-то в сенях загрохотало —

должно быть, упала лопата. Распахнулась дверь, и с фонарем в руках в избу вошел сторож, а с ним большая лохматая собака. Он скинул с плеча ружье, бросил на лавку убитого зайца и, поднимая фонарь к печке, спросил:

— Это что же за гости сюда приехали?

— Я жена начальника геологической партии Серегина, — сказала мать, соскакивая с печки, — а это его дети. Если нужно, то вот документы.

— Вот они, документы: сидят на печке, — буркнул сторож и посветил фонарем на встревоженные лица Чука и Гека. — Как есть в отца — копия! Особо вот этот толстый. — И он ткнул на Чука пальцем.

Чук и Гек обиделись: Чук — потому, что его называли толстым, а Гек — потому, что он всегда считал себя похожим на отца больше, чем Чук.

— Вы зачем, скажите, приехали? — глянув на мать, спросил сторож. — Вам же приезжать было не велено.

— Как не велено? Кем это приезжать не велено?

— А так и не велено. Я сам на станцию возил от Серегина телеграмму, а в телеграмме ясно написано: «Задержись выезжать на две недели. Наша партия срочно выходит в тайгу». Раз Серегин пишет «задержись» — значит, и надо было держаться, а вы самовольничаете.

— Какую телеграмму? — переспросила мать. — Мы никакой телеграммы не получали. — И, как бы ища поддержки, она растерянно глянула на Чука и Гека.

Но под ее взглядом Чук и Гек, испуганно тараща друг на друга глаза, поспешно попятиться глубже на печку.

— Дети, — подозрительно глянув на сыновей, спросила мать, — вы без меня никакой телеграммы не получали?

На печке захрустели сухие щепки, веники, но ответа на вопрос не последовало.

— Отвечайте, мучители! — сказала тогда мать. — Вы, наверное, без меня получили телеграмму и мне ее не отдали?

Прошло еще несколько секунд, потом с печки раздался ровный и дружный рев. Чук затынул басовито и однотонно, а Гек выводил потоньше и с переливами.

— Вот где моя погибель! — воскликнула мать. — Вот кто, конечно, сведет меня в могилу! Да перестаньте вы гудеть и расскажите толком, как было дело.

Однако, услышав, что мать собирается идти в могилу, Чук с Геком взвыли еще громче, и прошло немало времени, пока, перебивая и бесстыдно сваливая вину друг на друга, они затаили свой печальный рассказ.

Ну что с таким народом будешь делать? Поколотить их палкой? Посадить в тюрьму? Заковать в кандалы и отправить на каторгу? Нет, ничего этого мать не сделала. Она вздохнула, приказала сы-

Потом они таскали дрова. Русскую печь мать топить не умела, и поэтому дрова долго не разгорались. Но зато когда разгорелись, то пламя запылало так жарко, что толстый лед на окне у противоположной стенки быстро растаял. И теперь через стекло видна была и вся опушка с деревьями, по которым скакали сороки, и скалистые вершины Синих гор.

Кур мать потрошить умела, но обдирать зайца ей еще не приходилось, и она с ним провозилась столько, что за это время можно было ободрать и разделать быка или корову.

Геку это обдирание ничуть не понравилось, но Чук помогал охотно, и за это ему достался зайчиный хвост, такой легкий и пушистый, что если его бросать с печки, то он падал на пол плавно, как парашют.

После обеда они все втроем вышли гулять.

Чук уговаривал мать, чтобы она взяла с собой ружье или хотя бы ружейные патроны. Но мать ружья не взяла.

Наоборот, она нарочно повесила ружье на высокий крюк, потом встала на табуретку, засунула патроны на верхнюю полку и предупредила Чука, что если он попробует стянуть хоть один патрон с полки, то на хорошую жизнь пусть больше и не надеется.

Чук покраснел и поспешно удалился, потому что один патрон уже лежал у него в кармане.

Удивительная это была прогулка! Они шли гуськом к роднику по узенькой тропке. Над ними сияло холодное голубое небо; как сказочные замки и башни, поднимались к небу остроконечные утесы Синих гор. В морозной тишине резко стрекотали любопытные сороки. Меж густых кедровых ветвей бойко прыгали серые юркие белки. Под деревьями, на мягком белом снегу отпечатались причудливые следы незнакомых зверей и птиц.

Вот в тайге что-то застонало, загудело, треснуло. Должно быть, ломая сучья, обвалилась с вершины дерева гора обледенелого снега.

Раньше, когда Гек жил в Москве, ему представлялось, что вся земля состоит из Москвы, то есть из улиц, домов, трамваев и автобусов.

Теперь же ему казалось, что вся земля состоит из высокого дремучего леса.

Да и вообще, если над Геком светило солнце, то он был уверен, что и над всей землей ни дождя, ни туч нету.

И если ему было весело, то он думал, что и всем на свете людям хорошо и весело тоже.

Прошло два дня, наступил третий, а сторож из леса не возвращался, и тревога нависла над маленьким, занесенным снегом домиком.

Особенно страшно было по вечерам и ночами. Они крепко запирали сени, двери и, чтобы не привлечь зверей светом, наглухо занавешивали половиком окна, хотя надо было делать совсем наоборот, потому что зверь — не человек и он огня боится. Над печной трубой,

как и полагается, гудел ветер, а когда вьюга хлестала острыми снежными льдинками по стене и окнам, то всем казалось, что снаружи кто-то толкается и царапается.

Они забрались спать на печку, и там мать долго рассказывала им разные истории и сказки. Наконец она задремала.

— Чук,— спросил Гек,— почему волшебники бывают в разных историях и сказках? А что, если бы они были и на самом деле?

— И ведьмы и черти чтобы были тоже?— спросил Чук.

— Да нет!— с досадой отмахнулся Гек.— Чертей не надо. Что с них толку? А мы бы попросили волшебника, он слетал бы к папе и сказал бы ему, что мы уже давно приехали.

— А на чем бы он полетел, Гек?

— Ну, на чем... Замахал бы руками или там еще как. Он уж сам знает.

— Сейчас руками махать холодно,— сказал Чук.— У меня вон какие перчатки да варежки, да и то, когда я тащил полено, у меня пальцы совсем замерзли.

— Нет, ты скажи, Чук, а все-таки хорошо бы?

— Я не знаю,— заколебался Чук.— Помнишь во дворе, в подвале, где живет Мишка Крюков, жил какой-то хромой. То он торговал баранками, то к нему приходили всякие бабы, старухи, и он им гадал, кому будет жизнь счастливая и кому несчастная.

— И хорошо он нагадывал?

— Я не знаю. Я знаю только, что потом пришла милиция, его забрали, а из его квартиры много чужого добра вытащили.

— Так он, наверное, был не волшебник, а жулик. Ты как думаешь?

— Конечно, жулик,— согласился Чук.— Да я так думаю, и все волшебники должны быть жуликами. Ну, скажи, зачем ему работать, раз он и так во всякую дыру пролезть может? Знай только хватай, что надо... Ты бы лучше спал, Гек, все равно я с тобой больше разговаривать не буду.

— Почему?

— Потому что ты городишь всякую ерунду, а ночью она тебе приснится, ты и начнешь локтями да коленями дрыгать. Думаешь, хорошо, как ты мне вчера кулаком в живот бухнул? Дай-ка я тебе бухну тоже...

На утро четвертого дня матери самой пришлось колоть дрова. Заяц был давно съеден и кости его расхватаны сороками. На обед они варили только кашу с постным маслом и луком. Хлеб был на исходе, но мать нашла муку и испекла лепешек.

После такого обеда Гек был грустен, и матери казалось, что у него повышена температура.

Она приказала ему сидеть дома, одела Чука, взяла ведро, салазки, и они вышли, чтобы привезти воды и заодно набрать на опушке сучьев и веток,— тогда утром легче будет растапливать печку.

Гек остался один. Он ждал долго. Ему стало скучно, и он начал что-то придумывать.

А мать и Чук задержались. На обратном пути к дому санки перевернулись, ведро опрокинулось, и пришлось ехать к роднику снова. Потом выяснилось, что Чук на опушке позабыл теплую варежку, и с полпути пришлось возвращаться. Пока искали, пока то да сё, наступили сумерки.

Когда они вернулись домой, Гека в избе не было. Сначала они подумали, что Гек спрятался на печке за овчинами. Нет, там его не было.

Тогда Чук хитро улыбнулся и шепнул матери, что Гек, конечно, залез под печку.

Мать рассердилась и приказала Геку вылезать. Гек не откликнулся.

Тогда Чук взял длинный ухват и стал им под печкой ворочать. Но и под печкой Гека не было.

Мать встревожилась, взглянула на гвоздь у двери. Ни полушубок Гека, ни шапка на гвозде не висели.

Мать вышла во двор, обошла кругом избушку. Зашла в сени, зажгла фонарь. Заглянула в темный чулан, под навес с дровами...

Она звала Гека, ругала, упрасивала, но никто не отзывался. А темнота быстро ложилась на сугробы.

Тогда мать заскочила в избу, сдернула со стены ружье, достала патроны, схватила фонарь и, крикнув Чуку, чтобы он не смел двигаться с места, выбежала во двор.

Следов за четыре дня было натоптано немало.

Где искать Гека, мать не знала, но она побежала к дороге, так как не верила, чтобы Гек один мог осмелиться зайти в лес.

На дороге было пусто.

Она зарядила ружье и выстрелила. Прислушалась, выстрелила еще и еще раз.

Вдруг совсем неподалеку ударил ответный выстрел. Кто-то спешил к ней на помощь. Она хотела бежать навстречу, но ее валенки увязли в сугробе. Фонарь попал в снег, стекло лопнуло, и свет погас.

С крыльца сторожки раздался пронзительный крик Чука.

Это, услышав выстрелы, Чук решил, что волки, которые сожрали Гека, напали на его мать.

Мать отбросила фонарь и, задыхаясь, побежала к дому. Она втолкнула раздетого Чука в избу, швырнула ружье в угол и, зачерпнув ковшом, глотнула ледяной воды.

У крыльца раздался гром и стук. Распахнулась дверь. В избу влетела собака, а за нею вошел окутанный паром сторож.

— Что за беда? Что за стрельба? — спросил он, не здороваясь и не раздеваясь.

— Пропал мальчик, — сказала мать. Слезы ливнем хлынули из ее глаз, и она больше не могла сказать ни слова.

— Стой, не плачь! — гаркнул сторож. — Когда пропал? Давно? Недавно?.. Назад, Смелый! — крикнул он собаке. — Да говорите же, или я уйду обратно!

— Час тому назад, — ответила мать. — Мы ходили за водой. Мы пришли, а его нет. Он оделся и куда-то ушел.

— Ну, за час он далеко не уйдет, а в одежде и валенках сразу не замерзнет... Ко мне, Смелый! На, нюхай!

Сторож сдернул с гвоздя башлык и подвинул под нос собаке калоши Гека.

Собака внимательно обнюхала вещи и умными глазами посмотрела на хозяина.

— За мной! — распахивая дверь, сказал сторож. — Иди ищи, Смелый!

Собака вильнула хвостом и осталась стоять на месте.

— Вперед! — строго повторил сторож. — Ищи, Смелый, ищи!

Собака беспокойно крутила носом, переступала с ноги на ногу и не двигалась.

— Это еще что за танцы? — рассердился сторож. И, опять сунув собаке под нос башлык и калоши Гека, он дернул ее за ошейник.

Однако Смелый за сторожем не пошел; он покрутился, повернулся и пошел в противоположный от двери угол избы.

Здесь он остановился около большого деревянного сундука, цапнул по крышке мохнатой лапой и, обернувшись к хозяину, три раза громко и лениво гавкнул.

Тогда сторож сунул ружье в руки оторопелой матери, подошел и открыл крышку сундука.

В сундуке, на куче всякого тряпья, овчин, мешков, укрывшись своей шубенкой и подложив под голову шапку, крепко и спокойно спал Гек.

Когда его вытащили и разбудили, то, хлопая сонными глазами, он никак не мог понять, отчего это вокруг него такой шум и такое буйное веселье. Мать целовала его и плакала. Чук дергал его за руки, за ноги, подпрыгивал и кричал:

— Эй-ля! Эй-ли-ля!..

Лохматый пес Смелый, которого Чук поцеловал в морду, сконфуженно обернулся и, тоже ничего не понимая, тихонько вилял хвостом, умильно поглядывая на лежавшую на столе краюху хлеба.

Оказывается, когда мать и Чук ходили за водой, то соскучившийся Гек решил пошутить. Он забрал полушубок, шапку и залез в сундук. Он решил, что когда они вернутся и станут его искать, то он из сундука страшно завоет. Но так как мать и Чук ходили очень долго, то он лежал, лежал и незаметно заснул.

Вдруг сторож встал, подошел ибрякнул на стол тяжелый ключ и измятый голубой конверт.

— Вот,— сказал он,— получайте. Это вам ключ от комнаты и от кладовой и письмо от начальника Серегина. Он с людьми здесь будет через четверо суток, как раз к Новому году.

Так вот он где пропал, этот неприветливый, хмурый старик! Сказал, что идет на охоту, а сам бегал на лыжах к далекому ущелью Алкараш.

Не распечатывая письма, мать встала и с благодарностью положила старику на плечо руку.

Он ничего не ответил и стал ворчать на Геку за то, что тот рассыпал в сундуке коробку с пыжами, а заодно и на мать — за то, что она разбила стекло у фонаря. Он ворчал долго и упорно, но никто теперь этого доброго чудака не боялся. Весь этот вечер мать не отходила от Геки и, чуть что, хватала его за руку, как будто боялась, что вот-вот он опять куда-нибудь исчезнет. И так много она о нем заботилась, что наконец Чук обиделся и про себя уже несколько раз пожалел, что и он не полез в сундук тоже.

Теперь стало весело. На следующее утро сторож открыл комнату, где жил их отец. Он жарко натопил печь и перенес сюда все их вещи. Комната была большая, светлая, но все в ней было расставлено и навалено без толку.

Мать сразу же взялась за уборку. Целый день она все переставляла, скоблила, мыла, чистила.

И когда к вечеру сторож принес вязанку дров, то, удивленный переменой и невиданной чистотой, он остановился и не пошел дальше порога.

А собака Смелый пошла.

Она пошла прямо по свежeweымытому полу, подошла к Геку и ткнула его холодным носом. Вот, мол, дурак, это я тебя нашла, и за это ты должен дать мне что-нибудь покушать.

Мать раздобрилась и кинула Смелому кусок колбасы. Тогда сторож заворчал и сказал, что если в тайге собак кормить колбасой, так это сорокам на смех.

Мать отрезала и ему полкруга. Он сказал «спасибо» и ушел, все чему-то удивляясь и покачивая головой.

На следующий день было решено готовить к Новому году елку.

Из чего-чего только не выдумывали они мастерить игрушки!

Они ободрали все цветные картинки из старых журналов. Из лоскутьев и ваты понашили зверьков, кукол. Вытянули у отца из ящика всю папиросную бумагу и наvertели пышных цветов.

Уж на что хмур и нелюдим был сторож, а и тот, когда приносил дрова, подолгу останавливался у двери и дивился на их все новые и новые затеи. Наконец он не вытерпел. Он принес им серебряную бумагу от завертки чая и большой кусок воска, который у него остался от сапожного дела.

Это было замечательно! И игрушечная фабрика сразу превратилась в свечной завод. Свечи были неуклюжие, неровные. Но горели они так же ярко, как и самые нарядные покупные.

Теперь дело было за елкой. Мать попросила у сторожа топор, но он ничего на это ей даже не ответил, а стал на лыжи и ушел в лес.

Через полчаса он вернулся.

Ладно! Пусть игрушки были и не ахти какие нарядные, пусть зайцы, сшитые из тряпок, были похожи на кошек, пусть все куклы были на одно лицо — прямоносые и лупоглазые, и пусть, наконец, еловые шишки, обернутые серебряной бумагой, не так сверкали, как хрупкие и тонкие стеклянные игрушки, но зато такой елки в Москве, конечно, ни у кого не было. Это была настоящая таежная красавица — высокая, густая, прямая и с ветвями, которые расходились на концах, как звездочки.

Четыре дня за делом пролетели незаметно. И вот наступил канун Нового года. Уже с утра Чука и Гека нельзя было загнать домой. С посинелыми носами они торчали на морозе, ожидая что вот-вот из леса выйдет отец и все его люди. Но сторож, который топил баню, сказал им, чтобы они не мерзли понапрасну, потому что вся партия вернется только к обеду.

И в самом деле. Только что они сели за стол, как сторож постучал в окошко. Кое-как одевшись, все втроем они вышли на крыльцо.

— Теперь смотрите,— сказал им сторож:— вот они сейчас покажутся на скате той горы, что правой большой вершины, потом опять пропадут в тайге, и тогда через полчаса все будут дома.

Так оно и вышло. Сначала из-за перевала вылетела собачья упряжка с груженными санями, а за нею следом пронеслись быстроеходные лыжники. По сравнению с громадой гор они казались до смешного маленькими, хотя отсюда были отчетливо видны их руки, ноги и головы.

Они промелькнули по голому скату и исчезли в лесу.

Ровно через полчаса послышался лай собак, шум, скрип, крики. Почувявшие дом голодные собаки лихо вынеслись из леса. А за ними, не отставая, выкатили на опушку девять лыжников.

И, увидав на крыльце мать, Чука и Гека, они на бегу подняли лыжные палки и громко закричали: «Ура!»

Тогда Гек не вытерпел, прыгнул с крыльца и, зачерпывая снег валенками, помчался навстречу высокому, заросшему бородой человеку, который бежал впереди и кричал «ура» громче всех.

Днем чистились, брились и мылись.

А вечером была для всех елка, и все дружно встречали Новый год.

Когда был накрыт стол, потушили лампу и зажгли свечи. Но так как, кроме Чука с Геком, остальные все были взрослые, то они, конечно, не знали, что теперь нужно делать.

Хорошо, что у одного человека был баян и он заиграл веселый танец. Тогда все повскакали и всем захотелось танцевать. И все танцевали очень прекрасно, особенно когда приглашали на танец маму.

А отец танцевать не умел. Он был очень сильный, добродушный, и когда он без всяких танцев просто шагал по полу, то и то в шкафу звенела вся посуда.

Он посадил себе Чука и Гека на колени, и они громко хлопали всем в ладоши.

Потом танец окончился, и люди попросили, чтобы Гек спел песню.

Гек не стал ломаться. Он и сам знал, что умеет петь песни и гордился этим.

Баянист подыгрывал, а он им спел песню. Какую — я уже сейчас не помню. Помню, что это была очень хорошая песня, потому что все люди, слушая ее, замолкли и притихли. И когда Гек остановился, чтобы перевести дух, то было слышно, как потрескивали свечи и гудел за окном ветер.

А когда Гек окончил петь, то все зашумели, закричали, подхватили Гека на руки и стали его подкидывать. Но мать тотчас же отняла у них Гека, потому что она испугалась, как бы сгоряча его не стукнули о деревянный потолок.

— Теперь садитесь, — взглянув на часы, сказал отец. — Сейчас начнется самое главное.

Он пошел и включил радиоприемник. Все сели и замолчали. Сначала было тихо. Но вот раздался шум, гул, гудки. Потом что-то стукнуло, зашипело, и откуда-то издали донесся мелодичный звон.

Большие и маленькие колокола звонили так:

Тир-лиль-лили-дон!

Тир-лиль-лили-дон!

Чук с Геком переглянулись. Они угадали, что это. Это в далекой-далекой Москве, под красной звездой, на Спасской башне звонили золотые кремлевские часы.

И этот звон — перед Новым годом — сейчас слушали люди и в городах, и в горах, в степях, в тайге, на синем море.

И, конечно, задумчивый командир бронепоезда, тот, что неутомимо ждал приказа от Ворошилова, чтобы открыть против врагов бой, слышал этот звон тоже.

И тогда все люди встали, еще раз поздравили друг друга с Новым годом и пожелали всем счастья.

Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной.

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

ПРО СЛОНА

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: все думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его раскупорить. Все думал: вот утром сразу открою глаза, и индусы, черные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый — все зашевелится, заиграет. И слоны! Главное — слонов мне хотелось посмотреть. Все не верилось, что они там не так, как в зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада прет!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как все постепенно меняется. А тут две недели океан — вода и вода, — и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну, — готово: город белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки; в них черные в белых чалмах — зубы блестят, кричат что-то; солнце светит со всей силы, жмет, кажется, светом давит. Тут я как с ума сошел, задохнулся прямо: как будто я — не я и все это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоем на берег. В порту, в городе все бурлит, кипит: народ толчется, а мы — как оголтелые и не знаем, что смотреть, и не идем, а будто нас что несет (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше, — очумели прямо. Трамвай нас мчит, мы глазеем по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идет. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придем куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идешь и тень свою топчешь.

Порядочно уже прошли, уж людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят — бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идет по дороге. Мне казалось, что из зоологического выр-

вался. Слоны нас увидели и остановились. Нам жутковато стало: больших при нем никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Могает раз хоботом — и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные, — кто их знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил еще двоих сразу, а третий был маленький, лет четырех, должно быть, — на нем только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слоны ему подставляют хобот — иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит — не возьмешь, мол. Слоны не стали ждать, опустили хобот и пошел — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идет, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьется около ног, кривляется. И как раз, когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и поднимает вверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж! Никаких тебе. Поднял слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, все еще воевать пробовал.

Мы поравнялись, идем стороною дороги, а слон с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас пялятся и шепчутся меж собой. Сидят, как на дому, на крыше.

«Вот, — думаю, — здорово: им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботищем поперек живота, сдавит, швырнет выше дерева и, если на клыки не подцепит, все равно будет ногами топтать, пока в лепешку не растопчет».

А тут мальчишку взял, как козявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошел мимо нас; смотрим, сворачивает с дороги и попер в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян, — только ветки похрустывают, — перелез и пошел к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас же повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с нее обдирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слоны пустили ветку и другую пригнули. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошел: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путанные. Смотрим, слон в листьях хоботом шарит. Нащупал этого маленького, — он там, видно, обезьянкой уцепился, — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошел обратно. Мы за ним. Он идет и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то? Так мы за слоном пришли

к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать чего-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орет на слона — слон нехотя повернулся и пошел к колодцу. У колодца врыты два столба, и между ними вьюшка; на ней веревка намотана и ручка сбоку. Смотрим, слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит как будто пустую, вытащил — целая бадья там на веревке, ведер десять. Слон уперся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Баба набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, трякнул ушами и пошел прочь — не стал воду больше доставать, пошел под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен — только-только слону под него подлезть. Сверху камышу накидано и каких-то листьев длинных.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил, кто мы; все на мою русскую фуражку показывает. Я говорю — русские. А он и не знал, что такое русские.

— Не англичане?

— Нет,— говорю,— не англичане.

Он обрадовался, засмеялся, сразу другой стал; позвал к себе. А индусы англичан терпеть не могут: англичане давно их страну завоевали, распоряжаются там и индусов у себя под пяткой держат*.

Я спрашиваю:

— Чего это слон не выходит?

— А это он,— говорит,— обиделся, и, значит, не зря. Теперь ничем работать не станет, пока не отойдет.

Смотрим, слон вышел из-под навеса, в калитку — и прочь со двора. Думаем, теперь совсем уйдет. А индус смеется. Слон пошел к дереву, оперся боком и ну тереться. Дерево здоровое — прямо все ходуну ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землей как дунет! Раз, и еще, и еще! Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твердая, как подошва, а в складках — потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

— Какой он у тебя умный!

А он хохочет.

* После второй мировой войны английское правительство вынуждено было предоставить Индии независимость.

— Ну,— говорит,— если бы я полтора года лет прожил, не тому еще выучился бы. А он,— показывает на слона,— моего деда нянчил. Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный!

Я говорю:

— Старый он у тебя?

— Нет,— говорит,— ему полтора года лет, он в самой поре! Вон у меня слоненок есть, его сын,— двадцать лет ему, совсем ребенок. К сорока годам в силу только входить начинает. Вот погодите, придет слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха, и с ней слоненок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребенок, шел.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже пошел; слониха и слоненок — с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились. Все пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал — все мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может быть, про нас.

Воздух в лесу пахучий, пряный, густой.

Шли лесом. Пришли к реке.

Не река, а поток — быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слоненка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоем мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишек, его поливают. Здорово так — только брызги летят.

А ребята боятся в воду лезть — больно уж быстрое течение, унесет. Скажут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочем, он даже внимания не обращает — все своего слоненка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернет на мальчишек и одному прямо в пузо как дунет струей — тот так и сел. Хохочет, заливаается.

Слон опять своего мыть. А ребята еще пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясет: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз, когда мальчишки не ждали, думали — он водой на слоненка дунет, он сразу хобот повернул да в них.

Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слоненок ему хобот протянул, как руку. Слон заплел свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезти.

Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят.

На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у речки, нагорожен целый город тесаных бревен: штабеля стоят, каждый вышиной в избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уже совсем старик — кожа на нем совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю, из лесу идет другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтесанный. Пудов, должно быть,

во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно — как плотник на постройке.

И ни одного человека около них.

Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик: он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушел не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это, и не глядел бы».

А из лесу идет уже третий слон с бревном.

Мы — туда, откуда выходили слоны.

Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти бревна к речке. В одном месте у дороги — два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдет до этого места, опустит бревно на землю, подвернет колени, подвернет хобот и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперед. Земля, каменья летят, трет и пашет бревно землю, а слон ползет и пихает. Видно, как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берется. Опять повернет его поперек дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Гляди, снова уже встал и несет. Качается, как грузный маятник, бревнице на хоботе.

Их было восемь — всех слонов-носильщиков, — и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползли на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

ПРО ОБЕЗЬЯНКУ

Мне было двенадцать лет, и я учился в школе. Раз на перемене подходит ко мне товарищ мой Юхименко и говорит:

— Хочешь, я тебе обезьянку дам?

Я не поверил — думал, он мне сейчас шутку какую-нибудь устроит так, что искры из глаз посыплются, и скажет: «Вот это и есть «обезьянка». Не таковский я.

— Ладно, — говорю, — знаем.

— Нет, — говорит, — в самом деле. Живую обезьянку. Она хорошая. Ее Яшкой зовут. А папа сердится.

— На кого?

— Да на нас с Яшкой. Убирай, говорит, куда знаешь. Я думаю, что к тебе всего лучше.

После уроков пошли мы к нему. Я все еще не верил. Неужели, думал, живая обезьянка у меня будет? И все спрашивал, какая она. А Юхименко говорит:

— Вот увидишь, не бойся, она маленькая.

Действительно, оказалась маленькая. Если на лапки встанет, то не больше полуаршина. Мордочка сморщенная, старушечья, а глазки живые, блестящие. Шерсть на ней рыжая, а лапки черные. Как будто человечьи руки в перчатках черных. На ней был надет синий жилет.

Юхименко закричал:

— Яшка, Яшка, иди! Что я дам!

И засунул руку в карман. Обезьянка закричала: «Ай, ай!» и в два прыжка вскочила Юхименке на руки. Он сейчас же сунул ее в шинель, за пазуху.

— Идем,— говорит.

Я глазам своим не верил. Идем по улице, несем такое чудо, и никто не знает, что у нас за пазухой.

Дорогой Юхименко мне говорил, чем кормить.

— Все ест, все давай. Сладкое любит. Конфеты — беда. Дорвется — непременно обожрется. Чай любит жидкий и чтоб сладкий был. Ты ей внакладку. Два куска. Вприкуску не давай: сахар сожрет, а чай пить не станет.

Я все слушал и думал: я ей и трех кусков не пожалею, маленькая такая, как игрушечный человек. Тут я вспомнил, что и хвоста у ней нет.

— Ты,— говорю,— хвост отрезал ей под самый корень?

— Она макала,— говорит Юхименко,— у них хвостов не растет.

Пришли мы к нам домой. Мама и девочки сидели за обедом. Мы с Юхименкой вошли прямо в шинелях.

Я говорю:

— А кто у нас есть!

Все обернулись. Юхименко распахнул шинель. Никто еще ничего разобрать не успел, а Яшка как прыгнет с Юхименки маме на голову; толкнулся ножками — и на буфет. Всю прическу маме осадил.

Все вскочили, закричали:

— Ой, кто, кто это?

А Яшка уселся на буфет и строит морды, чавкает, зубки скалит.

Юхименко боялся, что сейчас ругать его будут, и скорей к двери. На него и не смотрели — все глядели на обезьянку. И вдруг девочки все в один голос затянули:

— Какая хорошенькая!

А мама все прическу прилаживала.

— Откуда это?

Я оглянулся. Юхименки уже нет. Значит, я остался хозяином. И я захотел показать, что знаю, как с обезьянкой надо. Я засунул руку в карман и крикнул, как давеча Юхименко:

— Яшка, Яшка! Иди, я тебе что дам!

Все ждали. А Яшка и не глянул — стал чесаться мелко и часто черной лапочкой.

До самого вечера Яшка не спускался вниз, а прыгал по верхам: с буфета на дверь, с двери на шкаф, оттуда на печку.

Вечером отец сказал:

— Нельзя ее на ночь так оставлять, она квартиру вверх дном переверотит.

И я начал ловить Яшку. Я к буфету — он на печь. Я его оттуда щеткой — он прыг на часы. Качнулись часы и стали. А Яшка уже на занавесках качается. Оттуда на картину, картина покосилась, — я боялся, что Яшка кинется на висячую лампу.

Но тут уже все собрались и стали гоняться за Яшкой. В него кидали мячиком, катушками, спичками и наконец загнали в угол.

Яшка прижался к стене, оскалился и защелкал языком — пугать начал. Но его накрыли шерстяным платком и завернули, запутали.

Яшка барахтался, кричал, но его скоро укутали так, что осталась торчать одна голова. Он вертел головой, хлопал глазами, и казалось, сейчас заплачет от обиды.

Не пеленать же обезьянку каждый раз на ночь! Отец сказал:

— Привязать. За жилет — и к ножке, к столу.

Я принес веревку, нащупал у Яшки на спине пуговицу, продел веревку в петлю и крепко завязал. Жилет у Яшки на спине застегивался на три пуговики. Потом я поднес Яшку, как он был, закутанного, к столу, привязал веревку к ножке и только тогда разматал платок.

Ух, как он начал скакать! Но где ему было порвать веревку! Он покричал, позлился и сел печально на полу.

Я достал из буфета сахару и дал Яшке. Он схватил черной лапочкой кусок, заткнул за щеку. От этого вся мордочка у него скривилась.

Я попросил у Яшки лапу. Он протянул мне свою ручку.

Тут я рассмотрел, какие на ней хорошенькие черные ноготки. Игрушечная живая ручка. Я стал гладить лапку и думаю: совсем как ребеночек. И пощекотал ему ладошку. А ребеночек-то как дернет лапку — раз, и меня по щеке. Я и мигнуть не успел, а он надавал мне оплеух и прыг под стол. Сел и скалится. Вот и ребеночек!

Но тут меня погнали спать.

Я хотел Яшку привязать к своей кровати, но мне не позволили.

Я все прислушивался, что Яшка делает, и думал, что непременно ему надо устроить кроватку, чтоб он спал, как люди, и укрывался одеяльцем. Голову бы клал на подушечку. Думал, думал и заснул.

Утром вскочил и, не одеваясь, к Яшке. Нет Яшки на веревке. Вербка есть, на веревке жилет привязан, а обезьянки нет. Смотрю, все три пуговицы сзади расстегнуты. Это он расстегнул жилет, оставил его на веревке, а сам драла. Я искать по комнате. Шлепаю босыми ногами. Нигде нет. Я перепугался. А ну как убежал? Дня не пробыл, и вот на тебе! Я на шкафы заглядывал, в печку — нигде. Убежал, значит, на улицу. А на улице мороз — замерзнет бедный.

И самому стало холодно. Побежал одеваться. Вдруг вижу, в моей же кровати что-то возится. Одеяло шевелится. Я даже вздрогнул. Вот он где! Это ему холодно на полу стало, он удрал и ко мне на кровать. Забился под одеяло. А я спал и не знал. Яшка спросонья не дичился, дался в руки, и я напялил на него снова синий жилет.

Когда сели пить чай, Яшка вскочил на стол, огляделся, сейчас же нашел сахарницу, запустил лапу и прыг на дверь. Он прыгал так легко, что казалось — летает, не прыгает. На ногах у обезьяны пальцы, как на руках, и Яшка мог хватать ногами. Он так и делал. Сидит, как ребенок, на руках у кого-нибудь и ручки сложил, а сам ногой со стола тянет что-нибудь.

Стащит ножик и ну с ножом скакать. Это чтобы у него отнимали, а он будет удирать. Чай Яшке дали в стакане. Он обнял стакан, как ведро, пил и чмокал. Я уж не пожалел сахару.

Когда я ушел в школу, я привязал Яшку к дверям, к ручке. На этот раз обвязал его вокруг пояса веревкой, чтобы уж не мог сорваться. Когда я пришел домой, то из прихожей увидел, чем Яшка занимается. Он висел на дверной ручке и катался на дверях, как на карусели. Оттолкнется от косяка и едет до стены. Пихнет ножкой в стену и едет назад.

Когда я сел готовить уроки, я посадил Яшку на стол. Ему очень нравилось греться около лампы. Он дремал, как старичок на солнышке, покачивался и, прищурясь, глядел, как я тыкаю пером

в чернила. Учитель у нас был строгий, и я чистенько написал страницу. Промокать не хотелось, чтобы не испортить. Оставил сохнуть. Прихожу и вижу: сидит Яков на тетради, макает пальчик в чернильницу, ворчит и выводит чернильные вавилоны по моему писанью. Ах ты, дрянь! Я чуть не заплакал с горя. Бросился на Яшку. Да куда! Он на занавески — все занавески чернилами перепачкал. Вот оно почему Юхименкин папа на них с Яшкой сердился.

Но раз и мой папа рассердился на Яшку. Яшка обрывал цветы, что стояли у нас на окнах. Сорвет лист и дразнит. Отец поймал и отдул Яшку. А потом привязал его в наказание на лестнице, что вела на чердак. Узенькая лесенка. А широкая шла из квартиры вниз.

Вот отец идет утром на службу. Почистился, надел шляпу, спускается по лестнице. Хлоп! Штукатурка падает. Отец остановился, страхнул со шляпы. Глянул вверх — никого. Только пошел — хлоп, опять кусок известки прямо на голову. Что такое?

А мне сбоку было видно, как орудовал Яшка. Он наломал от стенки известки, разложил по краям ступенек, а сам прилег, притаился на лестнице, как раз у отца над головой. Только отец пошел, а Яшка тихонечко толк ножкой штукатурку со ступеньки и так ловко примерил, что прямо отцу на шляпу, — это он ему мстил за то, что отец вздул его накануне.

Но когда началась настоящая зима, завыл ветер в трубах, завалило окно снегом, Яшка стал грустным. Я его все грел, прижимал к себе. Мордочка у Яшки стала печальная, обвисшая, он подвизгивал и жался ко мне. Я попробовал сунуть его за пазуху, под куртку. Яшка сейчас же там устроился: он схватился всеми четырьмя лапами за рубаху и так повис, как приклеился. Он так и спал там, не разжимая лап. Забудешь другой раз, что у тебя живой набрюшник под курткой, и обопрешься о стол. Яшка сейчас лапкой заскребет мне бок: дает мне знать, чтоб осторожней.

Вот раз в воскресенье пришли в гости девочки. Сели завтракать. Яшка смиренно сидел у меня за пазухой, и его совсем не было заметно. Под конец rozdali конфеты. Только я стал первую разворачивать, вдруг из-за пазухи, прямо из моего живота, вытянулась мохнатая ручка, ухватила конфету и назад. Девочки взвизгнули от страха. А это Яшка услышал, что бумагой шелестят, и догадался, что едят конфеты. А я девочкам говорю: «Это у меня третья рука; я этой рукой прямо в живот конфеты сую, чтоб долго не возиться». Но уж все догадались, что это обезьянка, и из-под куртки слышно было, как хрустит конфета: это Яшка грыз и чавкал, как будто я животом жую.

Яшка долго злился на отца. Примирился Яшка с ним из-за конфет. Отец мой как раз бросил курить и вместо папирос носил в портсигаре маленькие конфетки. И каждый раз после обеда отец открывал тугую крышку портсигара большим пальцем, ногтем, и доставал конфетки. Яшка тут как тут: сидит на коленях и ждет, — ерзает, тянется. Вот отец раз и отдал весь портсигар Яшке. Яшка

взял его в руку, а другой рукой, совершенно как мой отец, стал подковыривать большим пальцем крышку. Пальчик у него маленький, а крышка тугая и плотная, и ничего не выходит у Яшеньки. Он завыл с досады. А конфеты брякают. Тогда Яшка схватил отца за большой палец и его ногтем, как стамеской, стал отковыривать крышку. Отца это рассмешило, он открыл крышку и поднес Яшке. Яшка сразу запустил лапу, награбастал полную горсть, скорей в рот и бегом прочь. Не каждый же день такое счастье!

Был у нас знакомый доктор. Болтать любил — беда. Особенно за обедом. Все уж кончили, у него на тарелке все остыло, тогда он только хватится — поковыряет, наспех глотнет два куска:

— Благодарю вас, я сыт.

Вот раз обедает он у нас, ткнул вилку в картошку и вилкой этой размахивает — говорит. Разошелся — не унять. А Яшка, вижу, по спинке стула поднимается, тихонько подкрался и сел у доктора за плечом. Доктор говорит:

— И понимаете, тут как раз... — и остановил вилку с картошкой возле уха — на один момент всего.

Яшенька лапочкой тихонько за картошку и снял ее с вилки — осторожно, как вор. А доктор дальше:

— И представьте себе... — И тык пустой вилкой себе в рот. Скопфузился — думал, стряхнул картошку, когда руками махал, оглядывается.

А Яшки уж нет — сидит в углу и прожевать картошку не может, всю глотку забил.

Доктор сам смеялся, а все-таки обиделся на Яшку.

Яшке устроили в корзине постель: с простыней, одеяльцем, подушкой. Но Яшка не хотел спать по-человечьи: все наматывал на себя клубком и таким чучелом сидел всю ночь. Ему сшили платье, зелененькое, с пелеринкой, и стал он похож на стриженую девочку из приюта.

Вот раз я слышу звон в соседней комнате. Что такое? Пробираюсь тихонько и вижу: стоит на подоконнике Яшка в зеленом платье, в одной руке у него ламповое стекло, а в другой ежик, и он ежиком с остервенением чистит стекло. В такую ярость пришел, что не слышал, как я вошел. Это он видел, как стекла чистили, и давай сам пробовать.

А то оставишь его вечером с лампой, он отвернет огонь полным пламенем — лампа коптит, сажа летает по комнате, а он сидит и рычит на лампу.

Беда стала с Яшкой, хоть в клетку сажай. Я его и ругал и бил. Но долго не мог на него сердиться. Когда Яшка хотел понравиться, он становился очень ласковым, залезал на плечи и начинал в голове искать. Это значит — он вас уж очень любит.

Надо ему выпросить что-нибудь — конфет там или яблоко, — сейчас залезет на плечо и заботливо начинает лапками перебирать в волосах: ищет и ноготком поскребывает. Ничего не находит, а делает вид, что поймал зверя: выкусывает с пальчиков чего-то.

Вот раз пришла к нам в гости дама. Она считала, что она красавица. Разряженная. Вся так шелком и шуршит. На голове не прическа, а прямо целая беседка из волос накручена — в завитках, в локончиках. А на шее на длинной цепочке зеркальце в серебряной оправе.

Яшка осторожно к ней по полу подскочил.

— Ах, какая обезьянка миловидная! — говорит дама. И давай зеркальцем с Яшкой играть.

Яшка поймал зеркальце, повертел — прыг на колени к даме и стал зеркальце на зуб пробовать.

Дама отняла зеркальце, зажала в руке. А Яшке хочется зеркало получить. Дама погладила небрежно Яшку перчаткой и потихоньку спихивает с колен. Вот Яшка и решил понравиться, подольститься к даме. Прыг ей на плечо. Крепко ухватился за кружева задними лапками и взялся за прическу. Раскопал завитки и стал искать. Дама покраснела.

— Пошел, пошел! — говорит.

Не тут-то было! Яшка еще больше старается: скребет ноготками, зубами щелкает.

Дама эта всегда против зеркала садилась, чтоб на себя полюбоваться, и видит в зеркало, что вздохматил ее Яшка, — чуть не плачет. Я двинулся на выручку. Куда там! Яшка вцепился что было силы в волосы и на меня глядит дико. Дама дернула его за шиворот, и своротил ей Яшка прическу. Глянула на себя в зеркало — чучело чучелом. Я замахнулся, спугнул Яшку, а гостья наша схватилась за голову и в дверь.

— Безобразие, — говорит, — безобразие! — И не попрощалась ни с кем.

«Ну, — думаю, — держу до весны и отдам кому-нибудь, если Юхиенко не возьмет. Уж сколько мне попадало за эту обезьянку».

И вот настала весна. Потеплело. Яшка ожил и еще больше проказил. Очень ему хотелось на двор, на волю. А двор у нас был огромный, с десятину. Посреди двора был сложен горой казенный уголь, а вокруг склады с товаром. И от воров сторожа держали во дворе целую свору собак. Собаки большие, злые. А всеми собаками командовал рыжий пес Каштан. На кого Каштан зарычит, на того все собаки бросаются. Кого Каштан пропустит, и собаки не тронут. А чужую собаку бил Каштан с разбегу грудью. Ударит, с ног собьет и стоит над ней, рычит, а та уж и шелохнуться боится.

Я посмотрел в окно — вижу, нет собак во дворе. Дай, думаю, пойду выведу Яшеньку погулять первый раз. Я надел на него зелененькое платьице, чтобы он не простудился, посадил к себе на плечо и пошел. Только я двери раскрыл, Яшка — прыг наземь и побежал по двору. И вдруг, откуда ни возьмись, вся стая собачья, и Каштан впереди, прямо на Яшку. А он, как зелененькая куколка, стоит маленький. Я уж решил, что пропал Яшка — сейчас разорвут. Каштан сунулся к Яшке. Но Яшка повернулся к нему, присел, прицелился. Каштан стал за шаг от обезьянки, оскалился и ворчал,

но не решался броситься на такое чудо. Собаки все ощетинились и ждали, что Каштан.

Я хотел броситься выручать. Но вдруг Яшка прыгнул и в один момент уселся Каштану на шею. И тут шерсть клочьями полетела с Каштана. По морде и глазам бил Яшка, так что лап не видно было. Взвыл Каштан, и таким ужасным голосом, что все собаки врассыпную бросились. Каштан сломя голову пустился бежать, а Яшка сидит, вцепился ногами в шерсть, крепко держится, а руками рвет Каштана за уши, щиплет шерсть клочьями. Каштан с ума сошел: носится вокруг угольной горы с диким воем. Раза три обежал Яшка верхом вокруг двора и на ходу спрыгнул на уголь. Взобрался не торопясь на самый верх. Там была деревянная будка; он влез на будку, уселся и стал чесать себе бок как ни в чем не бывало. Вот, мол, я, — мне нипочем!

А Каштан — в ворота от страшного зверя.

С тех пор я смело стал выпускать Яшку во двор: только Яшка с крыльца — все собаки в ворота. Яшка никого не боялся.

Приедут во двор подводы, весь двор забьют, пройти негде. А Яшка с возу на воз перелетает. Вскочит лошади на спину — лошадь топчется, гривой трясет, фыркает, а Яшка не спеша на другую перепрыгивает. Извозчики только смеются и удивляются:

— Смотри, какая сатана прыгает. Ишь ты! У-ух!

А Яшка на мешки. Ищет щелочки. Просунет лапку и щупает, что там. Нащупает, где подсолнухи, сидит и тут же на возу щелкает. Бывало, что и орехи нащупает Яшка. Набьет за щеки и во все четыре руки старается нагрести.

Но вот нашелся у Якова враг. Да какой! Во дворе был кот. Ничей. Он жил при конторе, и все его кормили объедками. Он разжирел, стал большой, как собака. Злой был и царапучий.

И вот раз под вечер гулял Яшка по двору. Я его никак не мог дозваться домой. Вижу, вышел во двор котище и прыг на скамью, что стояла под деревом. Яшка как увидел кота — прямо к нему. Присел и идет не спеша на четырех лапах. Прямо к скамье и глаз с кота не спускает. Кот подобрал лапы, спину нагорбил, приготовился. А Яшка все ближе ползет. Кот глаза вытаращил, пятится. Яшка — на скамью. Кот все задом на другой край, к дереву. У меня сердце замерло. А Яшка на скамье ползет на кота. Кот уж в комок сжался, подобрался весь. И вдруг — прыг, да не на Яшку, а на дерево. Вцепился за ствол и глядит сверху на обезьянку. А Яшка все тем же ходом к дереву. Кот поцарапался выше — привык на деревьях спасаться. А Яшка на дерево, и все не спеша, целится на кота черными глазками. Кот выше, влез на ветку и сел с самого краю. Смотрит, что Яшка будет делать. А Яков по той же ветке ползет и так уверенно, будто он сроду ничего другого не делал, а только котов ловил. Кот уж на самом краю, на тоненькой веточке еле держится, качается. А Яков ползет и ползет, цепко перебирая всеми четырьмя ручками. Вдруг кот прыг с самого верху на мостовую, встряхнулся и во весь дух прочь без оглядки. А Яшка с дерева ему вдогонку: «Йай, йау!» — каким-то страшным, звериным голосом, — я у него никогда такого не слышал.

Теперь уж Яков стал совсем царем во дворе. Дома он уже есть ничего не хотел, только пил чай с сахаром. И раз так на дворе изюму наелся, что еле-еле его отходили. Яшка стонал, на глазах слезы, и на всех капризно смотрел. Всем было сначала очень жалко Яшку, но когда он увидел, что с ним возятся, стал ломаться и разбрасывать руки, закидывать голову и подвывать на разные голоса. Решили его укутать и дать касторки. Пусть знает.

А касторка ему так понравилась, что он стал орать, чтобы ему еще дали. Его запеленали и три дня не пускали на двор.

Яшка скоро поправился и стал рваться во двор. Я за него не боялся. Поймать его никто не мог, и Яшка целыми днями прыгал по двору. Дома стало спокойнее, и мне меньше влетало за Яшку. И как настала осень, все в доме в один голос:

— Куда хочешь убирай свою обезьянку или сажай в клетку. А чтоб по всей квартире эта сатана не носилась.

То говорили, какая хорошенькая, а теперь, думаю, сатана стала. И как только началось ученье, я стал искать в классе, кому бы сплавить Яшку.

Подыскал наконец товарища, отозвал в сторону и сказал:

— Хочешь, я тебе обезьянку подарю? Живую.

Не знаю уж, кому он потом Яшку сплавил. Но первое время, как не стало Яшки в доме, я видел, что все немного скучали, хоть признаваться и не хотели.

МАНГУСТА

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая, живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придет на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит черный человек (тамошние люди все черные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу — у черного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтобы кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался сначала, так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевел дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого черного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уже и след простыл.

Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж слышу — готово: мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с ноготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно — это она нарочно, так — играет. А другая забилась в угол клетки и глядит искоса черными блестящими глазами.

Мне скорей захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста — юрк! — и уж побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, все нюхала и крякала: кррык! кррык! — как будто ворона. Я хотел ее поймать, нагнулся, протянул руку, и миг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уже в рукаве. Я поднял руку — и готово: мангуста уже за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крикнула весело и снова спряталась. И вот слышу — она уже под мышкой, пробирается в другой рукав и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел ее погладить и только поднес руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырех лапах, как будто под каждой лапой пружинка.

Я даже руку отдернул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня веселыми глазками и снова кррык! И смотрю — уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернется, то вмиг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, — как были из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем черные! Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболталось. Я работал и все думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил».

Я спрашивал черных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай что попало: она сама разберет, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, накупил бананов, притащил хлеба, блюдце молока. Все это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, кричали и урчали, лакали молоко, потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая — прыг! — и уже рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, вскочил с койки, но уже поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались на полу одни шкурки, как тряпочки.

Наутро мы были уже в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на веревочках качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу — надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал полузакрыв глаза и неподвижно.

Гляжу — мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого парового окна. Рама слегка вихлялась — паровод качало. Мангуста покрепче примостилась, глянула вниз на меня. Я притаился. Мангуста толкнула лапкой в стенку, и рама поехал вбок. И в тот самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе, под самым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлепнулась об пол. Нет! Шлепнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все четыре лапки. Я привскочил поглядеть, но мангуста уже возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она покрывала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уже пробовала по полотенцу вскарабкаться повыше. Лазала она, как обезьяна: у нее лапки, как ручки. Цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась. Я выпустил ее на палубу погулять на солнце. Она сразу по-хозяйски все обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут ее дом.

Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни, поглядел, все ли в порядке.

Он увидел мангусту и быстро пошел, а потом начал осторожно красться. Он шел по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой трубы суетилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уже совсем над нею. Ему оставалось только протянуть лапу, чтобы вцепиться когтями ей в спину. Он выжидал, чтобы поудобней. Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чем не бывало; кот уж прицелился.

Я бросился бегом. Но я не добежал. Кот протянул лапу. И в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал как ламповый ежик, что стекла чистят. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудище. Кота отбросило назад, как от каленого железа. Он сразу повернул и, задрав хвост палкой, понесся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чем не бывало снова суетилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца кота редко кто видел. Мангуста на палубе — кота и не сыщешь. Его звали и «кис-кис» и «Васенька». Повар его мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь паровод. Зато у кухни теперь вертелись мангустаны; они кричали, требовали от повара мяса. Бедный Васенька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его прикармливал мясом. Ночью, когда мангустаны были в клетке, наступало Васькино время.

Но вот раз ночью я проснулся от крика на палубе. Тревожно, испуганно кричали люди. Я быстро оделся и выбежал. Кочегар Федор кричал, что сейчас идет он с вахты и вот из этих самых индийских деревьев, вот из этой груды, выползла змея и сейчас же назад спряталась. Что змея — во! — в руку толщиной, чуть ли не две сажени длиной. И вот даже на него сунулась... Никто не верил Федору, но все же на индийские деревья поглядывали с опаской. А вдруг и вправду змея? Ну, не в руку толщиной, а ядовитая? Вот и ходи тут ночью! Кто-то сказал: «Они тепло любят, они к людям в койки заползают». Все примолкли. Вдруг все повернулись ко мне.

— А ну, зверюшек сюда, мангустанов ваших! А ну, пусть они...

Я боялся, чтобы ночью не убежала дикая. Но думать больше некогда: уже кто-то сбежал ко мне в каюту и уже нес сюда клетку. Я открыл ее около самой груды, где кончались деревья и видны были черные ходы между стволами. Кто-то зажег электрическую люстру. Я увидел, как первой юркнула в черный проход ручная. И следом за ней дикая. Я боялся, что им прищемит лапки или хвост среди этих тяжелых бревен. Но уже было поздно: обе мангустаны ушли туда.

— Неси лом! — крикнул кто-то.

А Федор уже стоял с топором. Потом все примолкли и стали слушать. Но ничего не слышно было, кроме скрипа колод. Вдруг кто-то крикнул:

— Гляди, гляди! Хвост!

Федор замахнулся топором, другие отсунулись еще дальше. Я схватил Федора за руку. Он с перепугу чуть не хватил топором по хвосту; хвост был не змеи, а мангусты — он то высывался, то снова втягивался. Потом показались задние лапки. Лапки цеплялись за дерево. Видно, что-то тянуло мангусту назад.

— Помоги кто-нибудь! Видишь, ей не по силам! — крикнул Федор.

— А сам-то чего? Командир какой! — ответили из толпы.

Никто не помогал, а все попятились назад, даже Федор с топором. Вдруг мангуста изловчилась; видно было, как она вся извилась, цепляясь за колоды. Она рванулась и вытянула за собой змеиный хвост. Хвост мотнулся, он вскинул вверх мангусту и брякнул ее о палубу.

— Убил, убил! — закричали кругом.

Но моя мангуста — это была дикая — мигом вскочила на лапы. Она держала змею за хвост, она впилась в нее своими острыми зубками. Змея сжималась, тянула дикую снова в черный проход. Но дикая упиралась всеми лапками и вытаскивала змею все больше и больше. Змея была толщиной в два пальца, и она была хвостом о палубу, как плетью, а на конце держалась мангуста, и ее бросало из стороны в сторону. Я хотел обрубить этот хвост, но Федор куда-то скрылся вместе с топором. Его звали, но он не откликнулся. Все в страхе ждали, когда появится змеиная голова. Сейчас уже конец, и вырвется наружу вся змея. Это что? Это не змеиная голова — это ман-

густа! Вот и ручная прыгнула на палубу, она впилась в шею змеи сбоку. Змея извивалась, рвалась, она стучала мангустами по палубе, а они держались, как пиявки.

Вдруг кто-то крикнул:

— Бей! — и ударил ломом по змее.

Все бросились и кто чем стали молотить. Я боялся, что в переполохе убьют мангуст. Я оторвал от хвоста дикую.

Она была в такой злобе, что укусила меня за руку: она рвалась и царапалась. Я сорвал с себя шапку и завернул ей морду. Ручную оторвал мой товарищ. Мы усадили их в клетку. Они кричали и рвались, хватали зубами решетку.

Я кинул им кусочек мяса, но они и внимания не обратили. Я потушил в каюте свет и пошел прижечь йодом покусанные руки.

А там, на палубе, все еще молотили змею. Потом выкинули за борт.

С этих пор все стали очень любить моих мангуст и таскали им поесть что у кого было. Ручная перезнакомилась со всеми, и ее под вечер трудно было дозваться: вечно гостит у кого-нибудь. Она бойко лазила по снастям. И раз под вечер, когда уже зажгли электричество, мангуста полезла на мачту по канатам, что шли от борта. Все любовались на ее ловкость, глядели, задрыв головы. Но вот канат дошел до мачты. Дальше шло голое, скользкое дерево. Но мангуста извернулась всем телом и ухватилась за медные трубки. Они шли вдоль мачты. В них — электрические провода к фонарю наверху. Мангуста быстро полезла еще выше. Все внизу захлопали в ладоши. Вдруг электротехник крикнул:

— Там провода голые! — и побежал тушить электричество.

Но мангуста уже схватилась лапкой за голые провода. Ее ударило электрическим током, и она упала с высоты вниз. Ее подхватили, но она уже была недвижна.

Она была еще теплая. Я скорей понес ее в каюту доктора. Но каюта его была заперта. Я бросился к себе, осторожно уложил мангусту на подушку и побежал искать нашего доктора. «Может быть, он спасет моего зверька?» — думал я. Я бегал по всему пароходу, но кто-то уже сказал доктору, и он быстро шел мне навстречу. Я хотел, чтобы скорей, и тянул доктора за руку. Вошли ко мне.

— Ну, где же она? — сказал доктор.

Действительно, где же она? На подушке ее не было. Я посмотрел под койку. Стал шарить там рукой. И вдруг: кррык-кррык! — и мангуста выскочила из-под койки как ни в чем не бывало — здорова-хонька.

Доктор сказал, что электрический ток, наверно, только на время оглушил ее, а пока я бегал за доктором, мангуста оправилась. Как я радовался! Я все ее к лицу прижимал и гладил. И тут все стали приходить ко мне, все радовались и гладили мангусту — так ее любили.

А дикая потом совсем приручилась, и я привез мангуст к себе домой.

СЫНУ

*Жил человек в лесу возле Синих Гор...
А. Гайдара*

де-то там, на верхах голубиных,
Резвый ветер свернулся и лег:
Успокоилась наша рябина,
Успокоился наш тополек.

Потемневший от солнца-загара,
Упадая в сенной пуховик,
Ты шепнешь: — Почитай мне Гайдара.
Это — лучшие книги из книг!

Мой испытанный милый товарищ!
Пусть тебе еще нет и шести,
Ты уже не на шутку гайдаришь,
А тебе еще столько расти!

Прочитаю — гайдарь на здоровье! —
Все от слова до слова подряд...
Очень верил Аркадий Петрович
Даже в малых советских ребят.

Над могилою Альки понуро
Постояв, закаляйся в пути.
Дорастай, мой Мальчиш, до Тимура!
Сам Аркадий Гайдар — впереди:

Не упал он от пули летящей,
Не замолк он в груди со свинцом...
Пусть он будет тебе настоящим,
В Синегорье ушедшим отцом.

ЛЕТНЯЯ ПЕСЕНКА

Мама папу убеждала,
Папа маму убеждал:
— Наш ребенок хилый, малый...
— Да не хил он и не мал!

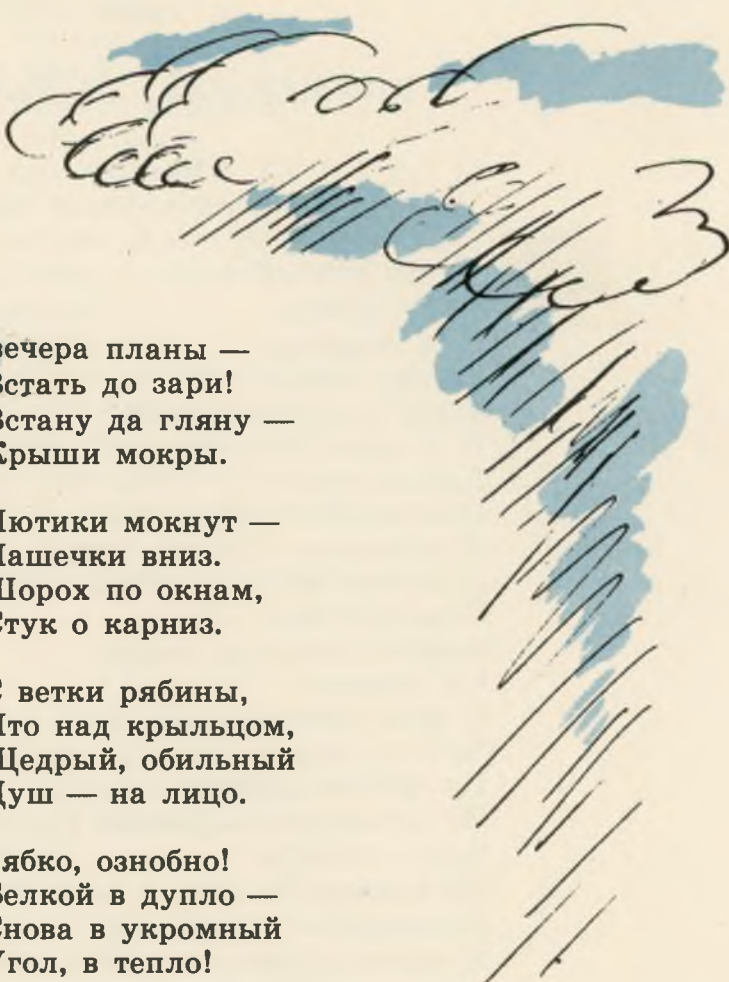
— Ходить-бродить пешком,
Да с этим вещмешком!
— Так ведь не по горам!
— Зато по комарам!

...Вместе с папой в воскресенье
Разве можно не пойти?!
Человеку в удивленье
Все подробности в пути:

— Ой, папа, родники!
Ой, папоротники!
Ой, ягодка в росе!
Ой, не одна, а все!

Мы домой вернемся к маме,
Проплутав в лесу весь день.
Гриб — в корзине, жук — в кармане,
Счастье полное везде!

Ты, мама, не сердись,
А лучше соберись
И в следующий раз
Не отставай от нас!

С вечера планы —
Встать до зари!
Встану да гляну —
Крыши мокры.

Лютики мокнут —
Чашечки вниз.
Шорох по окнам,
Стук о карниз.

С ветки рябины,
Что над крыльцом,
Щедрый, обильный
Душ — на лицо.

Зябко, ознобно!
Белкой в дупло —
Снова в укромный
Угол, в тепло!

Дремлется брату,
Спится сестре...
Спите, ребята:
Дождь на дворе.

КНИЖКИ ЕДУТ НА БАМ

1

В

новом доме
 Возле сквера
 Есть квартира
 Номер пять.
 Здесь у папы офицера
 И у мамы инженера
 Дочки есть:
 Помладше — Вера,
 А постарше — Катей звать.
 У сестреноч
 Старший брат —
 Бывший гвардии солдат.
 Он служил
 В краю таежном,
 Танк водил
 По трассам сложным,
 По нехоженным местам.
 После службы
 Он немного
 Отдохнул —
 И вновь в дорогу
 Через всю страну
 На БАМ...
 Вместе с другом уезжали.
 Их всем домом провожали.
 Даже Рыжик прибежал,
 Уши ласково прижал...

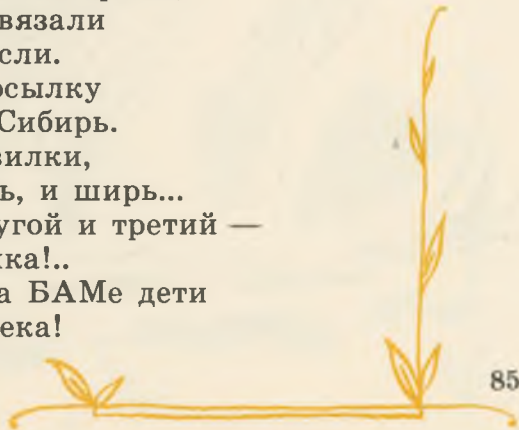
2

С той поры
 В подъезд у сквера
 Часто ходит почтальон...

Боря пишет:
«Как там Рыжик?
Всем привет издалека...
Мы здесь строим
Дом для книжек,
Только книжек нет пока».
Две сестры переглянулись,
Тихо маме улыбнулись,
И сказали:
— Может, нам
Посчитать свои излишки
И прочитанные книжки
Отослать туда, на БАМ?
Мама тоже улыбнулась,
С папой вдруг переглянулась
И сказала от души:
— Ваши планы хороши!

3

Катя с Верой рано встали.
Принялись за дело вмиг:
Где-то лесенку достали,
Принесли к шкафам
И стали
Разбираться в стопках книг.
...Сестры, кажется, устали.
Потрудились, как могли:
Двадцать книжек отобрали,
Их веревочкой связали
И на почту отнесли.
И везет вагон посылку
В белоснежную Сибирь.
Перегоны и развилки,
Без конца и даль, и ширь...
День в пути, другой и третий —
Как Россия велика!..
Книжки ждут на БАМе дети
От друзей издалека!

МОРЕ ЗОВЕТ

За что люблю я пароходы,
Я даже и не знаю сам...
Люблю весной большую воду
И голубые небеса.

И огонькам, и волнам зыбким
Бываю я безмерно рад.
И так люблю я бескозырку,
Что подарил мне старший брат!

У нас на празднике веселом
На всех судах флажки, флажки...
У нас ребята после школы
Уходят часто в моряки.

ВНУК И ДЕД

В

нук и дед стоят у моря
Видят теплоход.
Внук спросил: — А папка скоро
Приведет свой бот?
— Папка к нам идти не хочет, —
Внуку дед сказал, —
Потому что ты уж очень
Шаловливым стал.
Внук глядит на волны с грустью,
Съежился аж весь:
— Я не буду бегать к устью
И купаться здесь.
Не пойду и к пилораме
Больше без тебя.
И в глаза ребенку прямо
Дед взглянул любя.
— Если так, то жди к обеду
Папкин бот «Прибой».
А теперь — рули: поедем
В карбасе домой.

ДО НОВОГО ГОДА — ПЯТЬ ДНЕЙ

Р а с с к а з

Анна Ивановна, как всегда по утрам, спешила в магазин получить хлеб по карточкам до ухода детей в школу.

Конечно, можно было послать двенадцатилетнего Ваню или десятилетнюю Олю, но она страшно боялась передавать драгоценные карточки в руки детей. Все казалось, что или потеряют, или отнимет их какой-нибудь верзила-хулиган, а то и просто отрежет лишний талон продавщица.

Было холодно. Под ногами на неочищенном тротуаре громко скрипел снег. Анна Ивановна зябко подняла воротник старенького пальто. Новое, купленное за год до начала войны, она недавно обменяла в пригородной деревушке на ведро картошки. Большое это было подспорье, но, как ни сэкономила, картошка на прошлой неделе кончилась. Правда, раз в день семья получала обед из столовой. Но какой это был обед? Суп — вода водой, каши — две-три ложки.

Магазин был битком набит людьми. Когда наконец подошла очередь, Анна Ивановна подала хлебные карточки и внимательно следила за руками продавщицы, которая с привычной быстротой отстригла талоны, положила на весы кирпичик хлеба, отрезала от него часть, потом положила на буханку довесок и, чуть поколебавшись, добавила совсем маленький кусочек.

Анна Ивановна заспешила домой. Она знала, что дети с нетерпением ждут ее прихода. Ваня, наверное, уже вскипятит чайник и накроет его фуфайкой, чтобы не остыл.

Раздача утренней порции хлеба была волнующим моментом. Анна Ивановна отрезала три небольших ломтика, откладывала себе тот, что поменьше, и, как радушная хозяйка, предлагала детям:

— Пожалуйста, выбирайте!

Ваня отводил глаза в сторону, давая возможность сестре первой выбирать порцию. Оля торопливо пододвигала к себе ближнюю.

Ломтики были маленькие, на три-четыре укуса, поэтому все старались растянуть удовольствие: крошили хлеб в кружки, заливали кипятком, добавляли соли и с наслаждением пили горячую хлебную кашу. Кипяток подливали по несколько раз, пока чувствовался запах хлеба. Потом Ваня и Оля уходили в школу, а Анна Ивановна принималась за работу швеи-надомницы. Сотни рубашек, кальсон, наволочек, простынь сшила она для раненых бойцов.

Подходя к дому, Анна Ивановна сунула руку во внутренний карман — проверить на всякий случай, на месте ли хлебные карточки. Пальцы нащупали только матерью. Карточек не было.

«Да что же это такое?» — чуть не вскрикнула она, мигом вся похолодев. Проверила еще — пусто. Не обращая внимания на мороз, она дрожащими руками расстегнула пуговицы, распахнула пальто, вывернула карман — там ничего не было. И как-то разом ослабели ноги, стали подгибаться колени. Чтобы не упасть, она прислонилась к деревянному забору.

— Что с вами, тетенька? Вам плохо? — поддержав ее за локоть, участливо спросил паренек в черной шинели ремесленника.

— Ничего... Спасибо... Пройдет, — с трудом проговорила Анна Ивановна.

А в голове искрами вспыхивало: «Где потеряла?.. Может, обронила у прилавка?.. До конца месяца, до новых карточек — пять дней. Скорее в магазин! Может, еще найдутся». Анна Ивановна почти побежала назад. Она бы бежала, но не слушались ослабевшие ноги. Сердце стучало. В голове все смешалось.

Шатаясь, вошла она в магазин и стала проталкиваться к прилавку, повторяя одно и то же:

— Разрешите, я потеряла хлебные карточки... Разрешите, я потеряла хлебные карточки...

Очередь расступилась. Десятки глаз стали рассматривать пол у себя под ногами, даже продавщица свесилась через прилавок, но на полу валялся только клочок газеты и ничего больше.

— Граждане, никто не находил хлебные карточки? — с последней надеждой обратилась к людям Анна Ивановна.

Очередь сочувственно молчала. С тяжелым сердцем, как будто с похорон дорогого человека, брела Анна Ивановна домой. С ужасающей ясностью представляла она все последствия потери. «Пять дней голода не выдержать ни мне, ни ребятам. Из вещей, что можно обменять на продукты, — ничего не осталось. Что будет?» — думала она.

Дверь открыла встревоженная Оля.

— Что же ты так долго, мама?

— Мы же в школу опоздаем. Отрежь нам скорей хлеба, — заторопил Ваня. — Ты сегодня какая-то особенная. Уж не заболела ли?

— Да, что-то сердце прихватило, — вяло отозвалась Анна Ивановна.

Она и в самом деле чувствовала ноющую боль в груди, но, заметив встревоженные лица детей, сделала над собой усилие и отрезала ребятам по небольшому ломтику. Те надулись — порции были в два раза меньше обычного.

Проводив детей в школу, Анна Ивановна в отчаянии бросилась ничком на диван. Надо было искать выход... Но какой? К кому обратиться? Она прекрасно знала, что потерянные карточки не восстанавливаются. И кто может помочь, если люди от голода сами с трудом переставляют ноги?

Все же Анна Ивановна заставила себя взяться за работу. Привычный шум швейной машины немного успокоил ее. О себе она не думала. Все мысли были о детях: «Хлеба имеется чуть больше килограмма. Ребятам достанется по сто граммов в день на каждого. Граммов пятьсот может дать Паша Шубина за сшитое платье. Она повариха, не голодает, как все. Это значит еще по пятьдесят граммов на каждого, а всего по сто пятьдесят граммов в день, — подсчитала в уме Анна Ивановна. — Но для истощенного детского организма это убийственно мало».

Неожиданно Анна Ивановна вспомнила о своей подруге еще по девическим временам — Нине Ушаковой. Она жила в деревне Ширше, что возле целлюлозно-бумажного комбината в тридцати километрах от города, и работала ветфельдшером в зверосовхозе. Месяца три назад Ушакова была в городе и в разговоре упомянула, что ценные породы зверей у них кормят мясом и при этом остаются кости, из которых можно сварить приличный суп. Помнится, Нина даже приглашала приехать к ней. Как же она могла забыть об этом? В груди стало теплее от зародившейся надежды. «Действовать! Действовать!» — Анна Ивановна достала из чулана небольшие санки, приготовила мешок для костей.

Скоро пришли из школы иззябшие Ваня и Оля.

— Ой, мама, какой мороз сегодня на улице! — растирая руки, пожаловалась Оля.

— И в школе у нас холодище. Хорошо, что на уроках разрешили в пальто сидеть, — прижался к печке Ваня.

Анна Ивановна и слушала и не слушала их. «Пора! Надо рассказать!» — она вся внутренне напряглась.

— Послушайте, Ваня, и ты, Оля... Сядьте на диван... Я должна сказать, что страшно, непростимо виновата перед вами. Я потеряла хлебные карточки. Сегодня утром. В магазине.

Она сразу заметила, как дрогнуло и окаменело лицо Вани, как испуганно расширились и стали наполняться слезами глаза Оли. Анна Ивановна не выдержала — зарыдала навзрыд.

— Не плачь, мама, — как взрослый ребенка, гладил ее по голове Ваня. — Пять дней — не так уж страшно. Это без воды человек не может долго жить, а без пищи может.

— Проживем, мамочка, перетерпим, — обняла ее Оля.

Анне Ивановне стало немного легче от ласки детей.

— Бедные вы мои, бедные. Тяжело вам придется в эти дни, — она поднялась, вытерла слезы. — Я отправляюсь в зверосовхоз. Может, достану чего-нибудь. До завтра останетесь одни. Хлеба я вам отрезала по ломтику на сегодня и на завтра. Только смотрите, не съешьте раньше времени.

Дети принялись уговаривать ее остаться до завтра: авось погода будет лучше. Но Анна Ивановна не могла ждать.

Ей надо было доехать на трамвае до конца города, пройти пешком километров двадцать и затем перебраться на левый берег широкой в тех местах Северной Двины. В вагоне было еще холоднее, чем на улице. Он, казалось, промерз насквозь. Трамвай подолгу стоял на разъездах, ожидая встречного. И эти минуты были особенно томительны для Анны Ивановны. «Что за ужасная напасть — война! — мысленно разговаривала она сама с собой. — Жили люди спокойно, радостно, работали, растили детей. Вдруг — будто кто позавидовал чужому счастью — налетела злая черная сила. И теперь здесь, в тылу, — голодные, тающие на глазах дети, а там, на фронте, даже страшно подумать, кровь людская рекой льется». Сердце сжалось в тревоге за мужа, который тоже находился сейчас на переднем крае войны.

Вспомнилось, как они шли вместе в праздничной колонне в день Первомая — ведь совсем недавно это было, еще и год не прошел. Михаил, высокий, плечистый, в новом костюме и галстукe, смеялся, шутил со знакомыми. И кругом — музыка, песни, цветы.

Когда пришли домой, муж, окинув взглядом праздничный стол, красиво уставленный всевозможными закусками, при всех гостях поцеловал ее.

— Молодец ты у меня, Аннушка. Красавица. Умница. Лучше всех!

«Теперь, может, и не узнал бы меня. Что во мне осталось — кожа да кости», — подумалось горько.

— Конечная! Трамвай дальше не пойдет, — громкий голос кондуктора заставил ее вздрогнуть.

В Уйме, растянувшейся вдоль Северной Двины, ей повезло: какой-то сердобольный старичок посадил ее в розвальни и подвез почти до перехода через реку.

По заснеженному простору всю гулял пронзительный ветер. Очень скоро Анна Ивановна выбилась из сил, ведь за этот день у нее во рту не было ни кусочка хлеба. «Упаду. Замерзну», — мелькало в голове, но мысль о голодных детях заставляла ее упрямо двигаться навстречу цепочке огней.

Вот и Ширша. Она постучала в дверь знакомого дома и, пока не обогрелась, не могла сказать ни слова.

Нина Ушакова, когда-то бойкая, смешливая, острая на язык, теперь также выглядела усталой и постаревшей. Особой радости при виде гостя она не проявила, но все же сразу усадила ее за стол, налив в тарелку еще не остывший в большой русской печи суп-болтушку и положив рядом небольшой кусочек хлеба граммов на пятьдесят.

У Анны Ивановны руки затряслись при виде пищи. Хозяйка, чтобы не смущать ее, занялась починкой детской рубашонки.

Дочь Нины, девочка лет восьми, разложив на столе тетради, решала задачу, загибая запачканные чернилами пальцы и что-то бормоча про себя. Иногда она искоса с интересом поглядывала на незнакомую тетю.

— Спасибо тебе, Нина, накормила, обогрела, — поблагодарила Анна Ивановна.

— Чем богаты, тем и рады, — откликнулась хозяйка.

Она чувствовала, что старая подруга пришла неспроста, вероятно, за помощью. А чем она может помочь? Сама живет на хлебную карточку. Есть еще, правда, немного картошки, снятой с маленького огорода под окном, но ведь надо и самим жить.

— От Ивана ничего не получала? — поинтересовалась Анна Ивановна.

— Нет. Все числится в пропавших без вести. Наверное, давно уж нет в живых моего Ванюши, а я все жду, все на что-то надеюсь, — смахнула рукой набежавшую слезу хозяйка.

Поговорили о трудностях жизни, вспомнили общих знакомых.

— А я к тебе по делу, Ниночка, — наконец приступила к самому важному Анна Ивановна.

Хозяйка насторожилась, но, узнав, что подруга пришла за костями, сразу стала веселей и приветливей.

— Ну, это я тебе сделаю, с полмешка костей наберу.

И действительно, рано утром, когда еще все спали, она принесла в мешке сухо побрякивающие кости.

— Выбирала, что получше, да уж какие попали — не обессудь.

Раздобывшись, Нина добавила от себя килограмма четыре картошки; ее бережно завернули в остатки старого ватного одеяла, чтобы не замерзла в пути.

Анна Ивановна не знала как и благодарить подругу.

Х Х

Х

После ухода матери Ваня и Оля посидели еще около теплой печки. Потом Ваня собрался в столовую.

В тесном душном помещении пришлось толкаться больше часу. Сегодня Ване особенно тяжело было стоять в очереди: угнетали невеселые мысли, ведь предстояло пять дней жить без хлебных карточек. Легко сказать — пять дней!

Дома он разлил жидкий суп по тарелкам, себе и сестре, и открыл шкаф, где лежал оставленный мамой хлеб.

— А где же твоя порция? — устался он на сестру.

— Я съела ее,— с напускным равнодушием ответила Оля.— Ты ушел, а я все терпела, терпела, а потом решила отломить малюсенький кусочек. Потом еще, и так все и съела.

— И завтрашний хлеб?

— Да, и завтрашний...

— Обжора несчастная, — вконец расстроился Ваня. — Ведь надо на каждый день хоть по маленькому кусочку оставлять. Мама же говорила об этом... Ладно, ладно, не куксись, — пожалел он сестру, вида, как две слезинки покатались по ее щекам.

После ужина по давно заведенной привычке ребята принялись готовить уроки, задания выполняли вяло, без желания. Чувство голода мешало им сосредоточиться.

В дверь постучали.

— Можно? — просунулась в нее завитая кудряшками голова молодой соседки Гали Насонкиной. — Мне бы посмотреть, как новое платье выглядит.

В комнате Павловых стояло трюмо, купленное еще до войны у переехавших в другой город соседей, и Галя любила повертеться перед ним.

— Всему хору выдали, — пояснила она, рассматривая в зеркало длинное с красивыми украшениями платье.

За время войны Галя похудела, но не особенно заметно. Ей помогали продуктами муж, плававший штурманом на ледоколе. И к тому же она состояла в ансамбле Дома офицеров, который выступал в воинских частях и госпиталях, где артистов частенько подкармливали.

— Вчера в запасном полку нас замечательно встретили. Все номера на «бис»! А потом пригласили в столовую и угостили чудесной овсяной кашей. С маслом! Такая прелесть, такая прелесть... — тараторила Галя, оглядывая себя в зеркало то через левое, то через правое плечо.

Ваня с неприязнью смотрел на нее: «И что она расхвасталась? Уж лучше бы помолчала. Поела сама — хорошо, но зачем же других растревлять?»

— А недавно выступали у моряков, — продолжала болтать Галя, не замечая, какое впечатление это производит на ребят. — Они нас вкуснейшим флотским борщом угостили. От одного запаха голова закружилась. Ну, до чего же вкусно, до чего вкусно! Ваня чувствовал, что еще немного, и он может закричать, затопать ногами.

— А у нас мама хлебные карточки потеряла, — вдруг тихо и совсем спокойно сообщила Оля.

— Что? Что? — растерялась Галя.

— Хлебные карточки мама потеряла — на пять дней, до самого Нового года, — безучастным голосом повторила Оля.

— Неужели правда? — Галя посмотрела на Ваню.

Он молча кивнул головой.

— Да как же вы... Как же вы... жить будете? — Галя приложила ладони к вспыхнувшим от смущения щекам. — А я — дура! Вот

дура! Расхвасталась про супа да каши... Вы хоть ели сегодня чего-нибудь? — забеспокоилась она.

Словно вспомнив о чем-то, соседка выбежала из комнаты и через несколько минут вернулась с половиной буханки хлеба.

— Возьмите, ребята, ешьте! Я ведь — донор, восемьсот граммов хлеба получаю. Мне хватает.

— Не надо, тетя Галя. Как-нибудь переживем, — попытался отказать Ваня.

Но соседка напустилась на него:

— Молчи уж лучше. Еще и гонор проявляет! Ты не о себе, о сестре и матери подумай...

Галя еще что-то говорила сердитое, но Ваня понимал, что все это напускное и она просто боится «разнюниться».

Мальчик теперь удивлялся, как это он мог злиться на всегда такую добрую, приветливую, веселую тетю Галю. Не каждый — ох, далеко не каждый! — отдаст сейчас вот так, не раздумывая, всю свою дневную норму хлеба.

— Не все сразу ешьте, разделите на части, — посоветовала, уходя, соседка.

— Спасибо, тетя Галя, — догадалась поблагодарить ее Оля.

Ваня разрезал хлеб на три части. Ту, что казалась чуточку больше, он отложил для мамы. А сестре коротко предложил:

— Выбирай.

Оля заартачилась было:

— Выбирай первый.

Ваня прицкнул на сестру, и она поспешно протянула руку к ближней порции.

— Стоп! — остановил ее брат. Он отрезал по половине от своей и сестриной пайки и вместе с маминым хлебом убрал в шкаф. И даже закрыл его на ключ: вдруг Оля не выдержит и съест свою долю.

— Ох, где-то теперь наша мамочка, — вздохнула девочка.

«Как похожа на маму!» — подумал Ваня.

Мама тоже, бывает, сидит за столом, задумается, потом вздохнет глубоко: «А где-то теперь наш папа?»

Мальчик ясно представил, как мать, голодная, иззябшая, одиноко бредет по бесконечной дороге, чтобы раздобыть хоть немного съестного для своих ребят. «Что-то надо предпринимать самому. Что-то надо делать... — почувствовал он необходимость помочь матери. — Но что? Сходить с санками на левый берег к московскому поезду? Там, бывает, дают немного хлеба за перевозку вещей. Да, да! — ухзатился за эту мысль Ваня, но тут же засомневался. — Нет, ничего не выйдет. Там полностью хозяйничают ребята с улицы Урицкого».

Он вспомнил, как с месяц назад вместе с одноклассником Ленькой Поповым пошел с санками на вокзал. Еще на середине реки их окружили мальчишки, поставили обоим по фонарю, а под конец пригрозили: «Еще раз сунется — крепче получите. Это наш район. Чужакам здесь делать нечего». Хорошо, что хоть санки не отобрали!

И все же Ваня решил: «Пусть поколотят, все равно пойду».

— Оля, я завтра рано уйду из дому. Хочу сходить на вокзал. Ты не беспокойся, — предупредил он сестру.

— Ой, побьют тебя там, Ваня, — печалилась Оля.

— Побьют, побьют... Уж лучше бы не каркала, — сердито обрезал ее брат.

Самое главное теперь было не проспать. Но часы-ходики показывали всего пять часов, когда Ваня уже вышел на безлюдную улицу. Редко-редко встречались торопливо шагавшие прохожие.

Было немного жутковато. И чем ближе подходил мальчик к улице Урицкого, тем тревожнее становилось у него на душе.

У крутого спуска на реку никого не было, и Ваня облегченно вздохнул. «Может, и не заметят меня на вокзале — там ведь столько людей бывает...» — успокоил он себя и уверенней зашагал по раскатанной полозьями саней дороге.

Поезд вот-вот должен был подойти, когда Ваня оказался в кольце ребят. Все они были такие же синие, дрожащие от холода, как и он, но это не уменьшало их решимости проучить чужака.

— О, да это наш старый знакомый, — протянул один из мальчишек, заглядывая Ване в лицо. — Тебя что — плохо в прошлый раз побили?

— Дай ему, Филька, по зубам, — распорядился другой, постарше, — видимо, главный заводила в компании.

Филька дал. И дал так, что Ваня сразу почувствовал на губах соленый привкус крови. «Сейчас скопом бить будут», — мелькнуло в голове. Чувствуя все нарастающую в груди волну злости, отчаяния и откуда-то неожиданно нахлынувшей храбрости, он грудью пошел прямо на ухмыляющегося старшего.

— На, бей! Бей, гад! Трусые, кучей на одного! А мы что — из-за вас умирать должны? Мать хлебные карточки потеряла... Есть нечего. А вы тут, как фашисты...

Ребята как-то сразу притихли. Нет, не горячая решимость Вани подействовала на них — видали они таких храбрых. Подействовали слова о потерянных хлебных карточках. Все понимали, какое это страшное несчастье. Ведь и сами они не от хорошей жизни в мороз и пургу спешили с саночками к поезду.

— Не врешь? — засомневался кто-то.

— Сам ты врешь, — огрызнулся Ваня.

— Отойдите от парня. Что пристали? — прикрикнул на своих старший, словно и не он только что советовал дать Ване по зубам. — Ты больше к военным подходи, особенно к морякам — они добрее, — посоветовал он, похлопав новичка по плечу. — Не дрейфь, парень!

Паровоз, пыхающий паром, тяжело прокатил мимо и остановился где-то за зданием вокзала. Из вагонов стали выходить люди: женщины и мужчины, военные и гражданские, но почти ни у кого не было большого багажа. Однако постоянные возчики, шустро сновавшие между пассажирами, все же нашли себе работу. А Ваня растерялся: сунулся было к одному, другому, но все почему-то отказывались от его услуг.

— Подвезешь чемодан? — Кто-то сзади тронул его за плечо.

Мальчик обернулся. Перед ним стоял высокий военный моряк с четырьмя средними нашивками на рукаве шинели. Было бы другое время, Ваня бы за так, бесплатно перевез чемодан капитана второго ранга. А теперь...

— Сухарик дадите? — задал он обычный для всех саночников вопрос.

— Три! Даже четыре сухарика дам, честное слово, — совсем перебьчи заверил моряк Ваню. — А то, понимаешь, нога ранена, тяжело с чемоданом шагать.

— Пожалуйста, пожалуйста. Кладите сюда, — засуетился мальчик, устраивая на санках довольно тяжелый черный чемодан. Он стянул варежки и торопливо стал закреплять багаж.

— Надень рукавицы, обморозишься. Дай-ка я лучше сам все сделаю.

Моряк сноровисто, будто всегда только этим и занимался, привязал чемодан, и прочный узел словно сам собой завязался под его руками.

— Поехали! — бодро крикнул он, первым взявшись за веревку.

— Я сам, я сам! — попытался завладеть санями Ваня, но моряк как ни в чем не бывало, чуть прихрамывая, тянул и тянул их.

— Вот устану, ты меня сменишь.

Иногда Ваня пристраивался рядом с моряком и тянул некоторое время за веревку, потом, выбившись из сил, отставал и снова догонял сани.

Моряк пошел тише, давая мальчику передохнуть.

— Как тебя зовут? — поинтересовался он.

— Ваня. А вас как звать?

— Зови дядей Петей... И давно ты, Ваня, на санках промышляешь?

— Первый раз.

— Что так?

И Ваня, почувствовав вдруг доверие к этому приветливому человеку, рассказал ему все: и о потерянных хлебных карточках, и о мальчишках с улицы Урицкого.

— Да, дело, конечно, серьезное, — задумался моряк. — Но ничего, вокруг тебя тоже люди живут, не дадут пропасть...

На подходе к правому берегу моряк спросил Ваню:

— Временем располагаешь?

— Да. Сегодня же воскресенье. В школе нет занятий.

— Я, Ванюша, живу в Соломбале, на Краснофлотской. Давай доедем до Кузнечихи на трамвае, а там ты опять сможешь.

Ну как Ваня мог отказать раненому человеку?

— Только у меня на трамвай денег нет, — конфузясь, признался он.

— Ну, это не беда. Билет я тебе куплю.

И вот уже военный моряк и Ваня — в вагоне трамвая.

Доехали до конечной остановки в северном конце города и через Кузнечиху пошагали в старинную морскую слободу — Соломбалу. Потом долго шли по улицам, застроенным одноэтажными домиками.

Около одного из них моряк остановился.

— Ну, вот мы и прибыли, Ванюша, — и стал торопливо отвязывать чемодан.

Затем он вошел в калитку и постучал в дверь. Ваня видел, как молодая женщина с вьющимися волосами повисла на шее капитана второго ранга и они долго целовались, не обращая внимания на мороз.

Потом дверь закрылась. Мальчик остался один на незнакомой улице. Он долго ждал, но из дома никто не выходил. Отчаяние стало овладевать Ваней, слезы обиды выступили на глазах. «Хоть бы мелочь на обратный проезд дал», — недавний спутник представлялся теперь ему совсем в ином свете.

Ваня уже двинулся в сторону города, когда сзади раздался громкий оклик.

— Ты что? Обиделся? — Капитан второго ранга в одном кителе, радостный, улыбающийся, стоял у распахнутой калитки. — Извини, брат. Голова кругом пошла. Два года дома не был. Да ты что стоишь? Заходи в дом.

— Не,— исподлобья взглянул на него Ваня.— Вы дайте мне сухарики и денег на трамвай.

— Будет. Все будет, — и дядя Петя бесцеремонно затолкал мальчика в дверь. — Раздевайся! — скомандовал он.

Ваня застеснялся: под пальто у него была надета старая, ношенная-переносная женская вязаная кофта. Но дядя Петя, как видно, был человек решительный. Он сам расстегнул на Ванином пальто пуговицы, снял его и повесил на гвоздь.

В комнате, как на крыльях, летала молодая жена дяди Пети с отчаянно счастливыми глазами. Скоро на столе появился горячий чайник, стаканы, блюдца.

Дядя Петя достал из чемодана банку сгущенного молока, банку свиной тушенки и целую буханку хлеба. Ване даже нехорошо стало от вида такого количества пищи.

— Ешь, пей, согревайся, — радушно угощал хозяин.

Какое это наслаждение, какое великое счастье — пить горячий чай со сгущенным молоком!

Ваня смаковал каждый глоток. Три стакана чаю, два ломтя хлеба с тушенкой уплел он. Ему даже неудобно стало: давно уж так не ел!

— Ты, кажется, про сухарики говорил? — напомнил дядя Петя, когда мальчик одевался в прихожей. — Дай-ка сюда шапку.

Он вернулся с полной шапкой крепких армейских сухарей и с банкой свиной тушенки.

— Отнеси матери, порадуй родных.

Рассовывая сухари по карманам, Ваня посмотрел на хозяйку: а вдруг она зашумит, заругается, отберет все назад.

Но нет, хозяйка поднялась на цыпочки и в знак одобрения поцеловала мужа в щеку.

Вручив также деньги на трамвай, дядя Петя проводил Ваню до калитки и пожал ему, как взрослому, руку.

— Будь здоров, не вешай носа. Учись по-хорошему. Будет и на нашей улице праздник!

Ваня шел по узкому тротуару, и на душе у него была великая радость. И не только потому, что он нес домой спасительные сухари и консервы, но и от сознания, что есть на свете такие замечательные люди, как дядя Петя.

Когда Ваня добрался до дому, Оля все еще была в постели.

— Что так долго ходил? Я уж думала, не случилось ли чего.

— А ты все лежишь. Время-то одиннадцатый час, — упрекнул ее Ваня.

— Неохота вставать. В комнате холодно, да и есть нечего.

Ваня стал выкладывать на стол сухари, торжественно, со стуком, поставил банку консервов и с гордым видом посмотрел на сестру. Эффект получился самый неожиданный: Оля испугалась.

— Ой, Ваня, откуда это у тебя?

Брат с удовольствием рассказал ей про свои утренние похождения.

— Ой, как хорошо! — радовалась Оля. — Теперь-то уж мы проживем до новых хлебных карточек.

Ваня занес две охапки дров, затопил печь. Сухие дрова быстро разгорелись, застреляли искорками.

Вскипел чайник. Съели, размочив в воде, по одному сухарю. Остальные, пересчитав, Ваня положил в шкаф.

— До мамы больше ни одного сухарика не трогать!

Мама пришла только к вечеру, когда уже начало смеркаться. Она так продрогла, что, опустив в угол мешок с костями, сразу же, не снимая пальто, прижалась всем телом к печке.

— Попей, мама, чайку — быстрее согреешься.

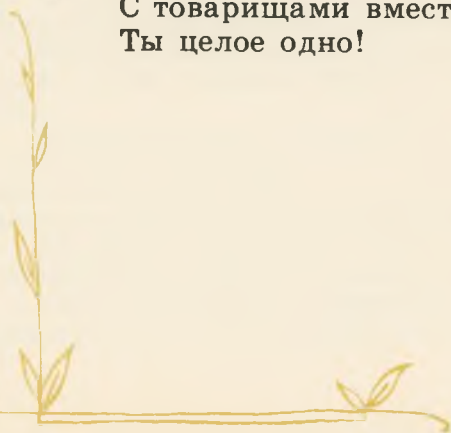
Ваня достал из печи горячий чайник и выложил на стол все припасы.

ПОХОДНАЯ ПЕСЕНКА

У

то нужно взять с собою
 В заманчивый поход?
 Рюкзак, палатку, компас
 И синий небосвод.
 И смех, конечно, важен.
 И песенка нужна:
 Пусть крепкой дружбой свяжет
 В пути ребят она!
 Но главное в походе,—
 Понять немудрено,—
 С товарищами вместе
 Ты целое одно!

Ущицу ли хлебаешь
 Из одного ведра,
 Рассвет ли ты встречаешь
 У жаркого костра.
 Через ручей ли быстрый
 Проходишь по бревну,—
 Все беды и удачи
 С друзьями по-ров-ну!
 Запомни, что в походе,—
 Уж так заведено,—
 С товарищами вместе
 Ты целое одно!

НАГРАДА

*...наградить Галину Вячеславовну
Дружинину, ученицу Октябрьской
средней школы Устьянского района,
именными часами...*

*(Из приказа начальника Северной
железной дороги)*

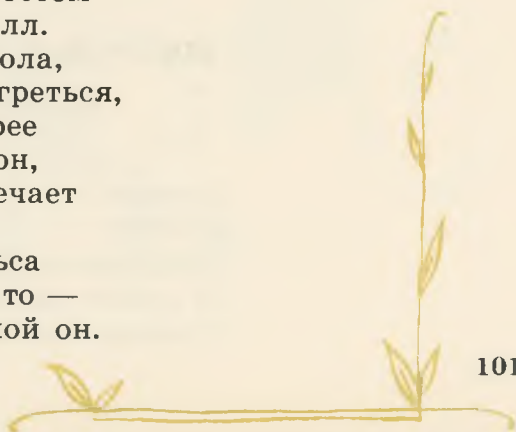
По имени-отчеству
Галю назвал
В приказе начальник
Железной дороги,
В награду
Часы именные прислал.
Затем телеграмму
Прочли на уроке,
Где Галиной школе
Почет и хвала!
Но за какие,
Простите,

дела?

...По насыпи в школу
Девчонка спешила,
Скакала сорокой
По лесенке шпал.
Поземка над рельсами
Снег ворошила,
Вертявым хвостом
Остужая металл.
Скорее бы школа,
Где можно согреться,
Быстрее-быстрее
Пройти перегон,
Но вдруг замечает
Галина:

у рельса

Неладное что-то —
Был с трещиной он.

Бежит к переезду
Стремглав,
что есть духу.

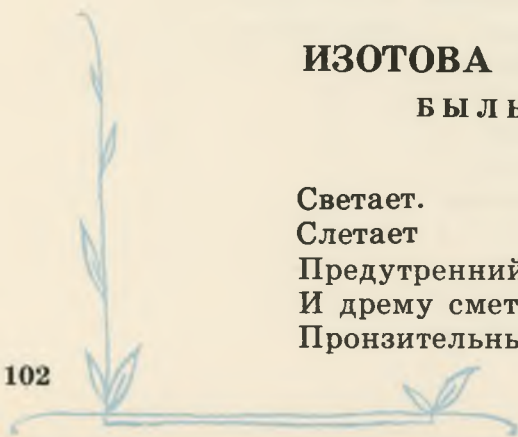
Там Галина мама
Дежурит сейчас.
И кажется девочке,
Будто до слуха
Донесся гудок,
Сипловатый чуть бас.
И тают силенки...
Четыреста... двести...
Галинка не помнит
Последних шагов,
Но поднят сигнал
На лесном переезде:
«Принять поезда
Переезд не готов!»

За что же такие
Дружининой почести?
Мальчишки и те
Отдают ей салют...
Геройский поступок
По имени-отчеству
Заслуженно
В нашей Отчизне
Зовут!

ИЗОТОВА ИЗБА

БЫЛЬ

Светает.
Слетает
Предутренний лист,
И дрему сметает
Пронзительный свист.

Какой-то невидимый
Птичий солист
Затеял невиданный
Свист-пересвист!

— Луженое горло,—
Бормочет Изот
И в туес проворно
Припасы кладет:
С треской кулебяки,
Бутыл с молоком,
Еду для собаки,
Топор с молотком,
Мешочки с крупю,
И спички, и соль...
И кличет:
— За мною
В тайгу, Канифоль!

И пес от Изота
Рванулся вперед;
Он думал:

охота

В тайге его ждет.
Хозяин, однако,
Пошел без ружья,
И сникла собака:
«При чем же тут я?»

— Ну что вдруг умолк ты,
Ворчун Канифоль?
Забыть про двустволку
На время изволь.
В местах затаенных,
В местах затемненных,
На тропах глухих,
От жилья удаленных,
Охотничьи избы
С тобою поставим
И в каждой избушке
Припасы оставим:
Мешочки с крупкою,
И спички, и соль.
Вот так-то...
За мною
Вперед, Канифоль!

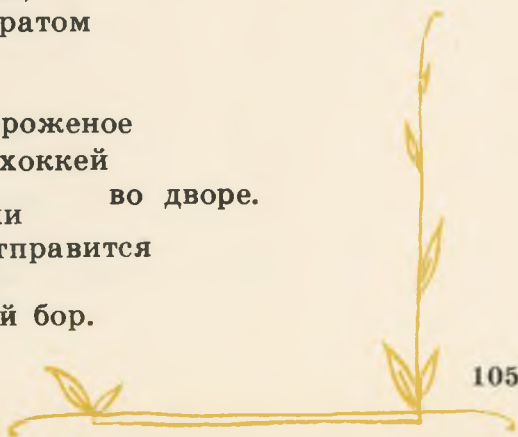
...Сам бревнышки тешет,
Сам печки кладет
Заботливый леший —
Охотник Изот.
Сосновая стружка
Ложится у ног...
Готова избушка —
Лесной теремок.
Здесь гость заплутавший,
Попавший в беду,
Найдет и тепло,
И ночлег, и еду...

У деда Изота
Довольна душа:
— Ничто и работа,
А как хороша!

БАБУШКИНЫ КАНИКУЛЫ

Едет бабушка
Из-под Ластолы
На каникулы
К нам — ура!!!
— Будем с бабушкой
Очень ласковы,—
Говорит нам
с братом

Сестра.—
Будем к бабушке
Чутки, мальчики,
Только ступит
Она на порог.
Ну а я —
Оближете пальчики! —
Испеку
Новогодний пирог.
— Встретим бабушку мы,
Как положено,—
Отвечаем с братом
Сестре.—
Для начала
Ей купим мороженое
И покажем хоккей
во дворе.
Вместе с нами
На лыжах отправится
На прогулку
В ближайший бор.

Пусть бабуся
У нас поправится —
Ей здоровья
Прибавит спорт!

Едет бабушка
Из-под Ластолы,
Внукам шаньги
с морошкой

Везет
И бормочет:
— Каникулы часто ли?
Ах, как жаль,
Что не круглый год...

НАЧИНАЕТСЯ ДЕНЬ СО ЗВОНКА

Лето кончается,
осень близка.
А начинается день со звонка.

Трудно забыть нам
походы, и встречи,
и пионерский костер
возле речки...

К ручке не сразу
привыкнет рука...
А начинается день со звонка.

Сядем за парты,
вдыхая украдкой.
Скажет учитель:
«Раскройте тетрадки.

Вы невнимательны что-то с утра,
хватит мечтать —
за учебу пора.

Где провели вы
каникулы летом,
как провели,—
напишите об этом».

Ручка послушна руке и легка...
Мы и не слышим
с урока звонка.

Все мы опишем:
и как на привале
после похода
по дому скучали,
и как мечтали мы
встретить скорей
школьных друзей
возле классных дверей...

Лето кончается,
осень близка.
А начинается день со звонка.

СНЕГИРИ

В январе
морозы
рассердились,
а на ветках
розы
распустились.

Вспыхивают
розы огоньками —
на глазах, как в сказке,
расцветают;
взмахивают
розы лепестками —
с дерева на дерево летают.

От души
поют на ветках розы:
«Хороши
январские морозы!»

СОЗВЕЗДИЕ КИТА

Легла на землю темнота —
пора ложиться спать,
но я пытаюсь отыскать
созвездие Кита,
где — Солнцу нашему под стать —
горит во тьме звезда,
планетами окружена.
А в хороводе их
планета кружится одна
прекраснее других:
и голуба́ и зеленá,
белеет пятнами она
двух полюсов нагих.
На ней весной сады в цвету;
и ночью в тишине
глядит мой сверстник в темноту,
мечтая обо мне...
Я обязательно найду
созвездье это и звезду
в небесной вышине.

СИАМСКИЙ КОТ

На сиамского кота
поглядите.
Но сиамского кота
не сердите!

Хвост у нашего кота
мал и скрючен —
сме-хо-та!
Носик в саже.
А глаза —
странно даже —
би-рю-за!

Кто чужой,
кота не трожь —
вмиг полезет в драку.
Он характером похож
на... собаку.

Полизал сиамский кот
бархатные лапы
и, закрыв глаза, поет
на плече у папы.

На сиамского кота
поглядите.
Но сиамского кота
не будите.

ВСЁ НАОБОРОТ

Покрыл пути-дороги снег,
на речке толстый лед,
а я пишу вам о весне,
как будто я живу в стране,
где всё наоборот.

Пишу в июле про каток,
зимой зову на пляж,
а в ноябре мой карандаш
подарит вам цветок.

Нет, я не вру и не хитрю,
хотя читать чудно:
о том, что было говорю
и быть потом должно.
А что сегодня на дворе,
всем видно без меня.

Пусть птичьи песни в январе
для вас в стихах звенят!

ЗАПАХ ХЛЕБА

ПОЛЕ ПОЕТ

Ничего подобного я раньше не едал. Тетя Уляша сама выпекает такие караваи — дымящиеся, пахнущие знойным полем караваи. Так и подмывает отщипнуть кусочек и похрустеть коричневой хрупкой корочкой!

К тете Уляше и дяде Епифану я впервые приехал погостить. Приехал один, самостоятельно. Провожала меня мама, поставила чемоданчик под крышку сиденья в купе, смахнула набежавшую слезинку: «Ну, ты, Тимошка, смотри там, не балуйся. Принца из себя не строй, ешь все подряд. Тете Уляше по хозяйству помогай». Чмокнула меня в щеку, как маленького, а соседям по купе сказала: «Вы тут присмотрите за моим. Его встречать будут...»

Почти двое суток томился я в душном и пыльном вагоне, пока сильные с темными земляными царапинами руки дяди Епифана не накрыли меня, как два горячих крыла. «Однако и вымахал ты!» — удивился он, слегка присвистнув.

Через минуту мы уже шли по большаку, по которому, как туман, стелилась бело-серая пыль, поднятая промчавшейся машиной. Справа к обочине прижалось поле. Пшеничное. Стебли пшеницы, как воткнутые в землю тугие желтые стрелы. «В аккурат к страде подоспел», — перехватил мой взгляд дядя Епифан. А я думал о том, что поле похоже на огромный золотой ковер, который постелили на землю. Даже солнце казалось не таким ярким в сравнении с ослепительным цветом нивы...

Наступила пора косовицы. Дядя Епифан работал в совхозе комбайнером и дома теперь появлялся от случая к случаю, все время пропадая на уборочной. Быстро выкупавшись и наскоро позавтракав, я тоже бежал в поле. Мне нравилось смотреть, как жатки, будто по линейке, ровными линиями валков расчерчивали поле, которое и впрямь выглядело чистым нотным листом. А когда начались обмолоты, поле зазвучало. Конечно, это была не та музыка, что в школе, на уроках пения. Эту музыку трудно передать, ее нужно слушать: лягз, рокот, шум, гудки машин — вот песня, которую изо дня в день старательно пело для меня пшеничное поле.

НА КОМБАЙНЕ

Как-то утром тетя Уляша разбудила меня пораньше: «Вставай, тебя дядя в поле ждет. На комбайне прокатит». Сон с меня как рукой сняло. Даже про речку и купание забыл. Мигом выпив кружку молока, помчался в поле. Вот и комбайн дяди Епифана. Как гордо плывет он! Как похож на загадочное, удивительно красивое животное, с неопишуемой быстротой поглощающее аппетитные пшеничные валки! А называется комбайн просто — «Колос».

Лицо у дяди Епифана покраснелось, как от долгой ходьбы, на щеке прилипла соломинка, а на лбу — крупные росинки пота.

— Внимание и внимание нужно в нашей работе! — кричит он мне. — Это главное. Это, если хочешь, наипервейшая наша хлеборобская заповедь. К примеру, ежели терять по одному колоску на квадратном метре, то на гектаре, считай, полсотни килограммов недоберешь. А это, племян, позор для нашего брата. Вот так-то!

Минут через пятнадцать дядя Епифан включает фары и подает сигнал. Слышен гудок.

— Это я, Тимоша, сигналю: бункер полон. Пора разгружаться.

Вскоре машина с высокими бортами увозит обмолоченную пшеницу. И снова ползет к комбайну — это так кажется мне сверху — очередной валок, и я вижу, как он превращается в тонкий пшеничный ручеек, льющийся в бункер. Слежу через специальное стеклянное оконце в нем, когда бункер наполнится доверху. Ручеек сыплющегося зерна напоминает мне чем-то песочные часы, которые стоят на учительском шкафу в нашем классе. Только если песочные часы измеряют время, то маленькое стеклышко в бункере — это мера умения и трудолюбия дяди Епифана. «У стоящего мастера в страду на поле ни зернышка», — любит приговаривать он.

Вам когда-нибудь приходилось опускать руки в свежее зерно? Замечали ли вы, какое оно налитое и тяжелое? Тяжелое, как и труд хлебороба, как и руки дяди Епифана, которыми взращен каждый колосок.

«ЛИСЕНОК»

Комбайн неожиданно вздрогнул. Дядя Епифан останавливает его и с досадой морщится:

— Лисенка зацепил! Сам попался...

Из моих глаз готовы брызнуть слезы. Я мысленно представил маленького беспомощного лисенка, отбившегося от матери и забредшего на это поле. Наклонился, чтобы рассмотреть растерзанный рыжий комочек, и чувство гордости за дядю Епифана сменилось чувством обиды: «Эх, растяпа! Задавил бедного зверька!»

— Ну что скис? — улыбнулся дядя Епифан и положил мне руку на плечо. — Это дело поправимое.

Я спрыгиваю вслед за ним на землю. В глазах рябит и до меня не сразу доходит увиденное.

— Ты что, и впрямь подумал, будто родной дядька сослепу лисьего детеныша жизни лишил? Мы, комбайнеры, так закрутившиеся в жгуфы колосья зовем. Вот видишь, какая коса переплелась! Такая попадет в наклонный транспортер, барабан или шнек — ни за что не вытащишь, хоть расшибись! Распушившись, стебли пшеницы очень похожи на лисий хвост. Вот и нам «лисенок» повстречался...

И мы вместе с дядей стали усердно тянуть коварного «лисенка» за пшеничный хвост...

Уже под вечер я возвращался в село. Над полем пролетали журавли. Они медленно и важно помахали мне крыльями: «Привет, привет чумазому помощнику!» и растаяли в сгустившейся вечерней дымке. Я брел домой, и запах хлеба тянулся за мной по затихающей улочке, перемешиваясь с запахом свежеспеченного каравая тети Уляши.

СКАЗКА ПРО ТРЕХГЛАЗКУ

Там, где каменные горы
достают до облаков,
находился странный город
непонятных чудаков.
Люди там не признавали
тротуаров и дорог
и по улицам шагали
вкривь и вкось и поперек.
Под машины попадали,
друг на друга налетали,
получали синяки,—
словом, были чудаки.
Век бы им не излечиться,
но они в конце концов
догадались обратиться
к одному из мудрецов.
Встретил их мудрец радушно.
— Что,— спросил,— вам, братцы, нужно?
Чем встревожены вы так?..
Говорит один чужак:
— Мы наук познали много,
но ходить через дорогу
не научимся никак..
И другой чужак поддакнул.
Третий шляпой оземь брякнул.
— Помоги ты нам, отец!
— Ладно,— отвечал мудрец.—
Есть задумка у меня.
Сроку дайте мне три дня..
Трижды солнышко всходило.
Трижды жителей будило.
Вновь посланцы — у крыльца
мудрецовского дворца.

Открывается дворец.
Появляется мудрец.
И выносит он во двор
удивительный прибор.
На приборе — три глазка,
три волшебных огонька.
Красный глаз глядит сердито,
зажигает красный свет.
Это значит: «Не ходите!
Тут опасно. Хода нет!»
Желтый глаз откроет веко,
говорит он человеку:
«Чужаком, дружок, не будь.
Подожди еще чуть-чуть».
Глаз зеленый очень ласков:
«Нет преграды на пути!»
Разрешает вам Трехглазка
через улицы идти.
Вот зеленый свет погас.
Вновь зажегся желтый глаз.
Сразу видит весь народ,
что окончен переход.
Что случилось с чужаками?
Посмотрите-ка, они
ходят так же, как мы с вами,
на Трехглазкины огни,
не знакомы с синяками
и не лезут под авто.
И уже их чужаками
не зовет теперь никто.
Очень рад старик-мудрец:
«Научились наконец!»

Не забудьте сказку,
Сказку про Трехглазку!

БУЛЬДОЗЕРЫ

У озера бульдозеры
носами землю двигали.
Испачкали бульдозеры
широкие носы!
А мы шли потихонечку
с тетрадками и книгами
По краю приозерной
извилистой косы.
У илистого берега
четыре утки плавали,
Носами волны двигали.
И плавал гусь один.
— А утки, как бульдозеры!
Смотрите-ка, не правда ли? —
Нам из кабины крикнул
бульдозериста сын.

АСТРА В КОСМОСЕ

От автора

Когда в прошлом году была напечатана моя повесть-сказка «Оранжевая звезда» и многие девочки и мальчики прочитали ее, то мои маленькие читатели мне не раз говорили: они не согласны с тем, что героиня повести-сказки, озорная и смелая Астри, улетев на корабле в космос, погибла. И просили меня написать продолжение книжки.

Признаться, автор и сам никогда не верил, что его маленькая героиня погибла. И потому я решился написать продолжение — о новых приключениях Астры. Тем более что мои читатели подсказали мне это...

Сегодня вы, маленькие друзья, читаете об одном из этих ее новых приключений. А тем, кто не читал «Оранжевую звезду», тоже будет все понятно. Надо только представить: в космосе летит на космическом корабле девочка-цветок по имени Астри, и ее корабль достиг Солнечной системы.

Если взлетаешь в космос, надо быть готовым ко всему — к любым трудностям и даже к гибели. И к любым приключениям.

Если взлетаешь к звездам, неизбежно отдаляешься от всех — от родных, друзей, знакомых, ото всех сразу: полное одиночество окружает тебя. И можно сбиться с пути и бесследно исчезнуть в мертвых, бесконечных космических пространствах. Но все равно — ищи свой путь, зорко вглядывайся в космический мрак, ищи и лети вперед...

И Астра летела... Она не погибла... Но переживала такие трудности и такие приключения, страшные, неожиданные, удивительные, веселые, — столько всего, чего раньше даже в своих фантазиях и мечтах и представить не могла! Теперь ее корабль держал курс к планете Земля.

Корабль летел с огромной скоростью. Земля приближалась, словно увеличиваясь; лишь далекие звезды за иллюминаторами казались неподвижными.

Астра включила радиоприемник, прислушиваясь к дальним звукам Земли. До нее доносились — еще недостаточно четко — голоса различных земных радиостанций, обрывки мелодий, треск радиопомех, и вдруг совершенно отчетливо она услышала веселую песенку. Видимо, какая-то из земных радиостанций вела детскую передачу, и Астра случайно поймала ее своим радиоприемником.

Песенку пел звонкий детский голос. И звучала она так:

Девять планет у нашего Солнца,
 Девять планет.
 Каждой из них посылает светило
 Солнечный свет.
 Четыре из них — небольшие планеты.
 Их знает каждый из нас.
 Это — Меркурий, за ним — Венера,
 Дальше — Земля и Марс.
 За ними идет семейство гигантов
 И здесь среди двенадцати лун
 Огромен — Юпитер, за ним чуть поменьше —
 Сатурн, Уран и Нептун.
 И в страшной дали, ото всех отдален —
 Холодный и странный Плутон.
 Ты выучи наизусть эту песню,
 Чтоб правильно дать ответ —
 Какие планеты у нашего Солнца?
 Ты выучи девять планет.

«Так, так... — подумала Астра. — Значит, здесь, около Солнца вращается девять планет. Надо и мне их запомнить. И посмотреть, что они собой представляют».

Астра нажала на один из рычагов управления, уменьшив скорость корабля, и включила несколько приборов, направленных в разные

стороны, настроив их на вращающиеся около Солнца планеты. Ее космический корабль представлял собой чудо техники, был прекрасно всем оборудован, и Астри могла наблюдать, что делается на планетах Солнечной системы...

Х Х

Х

А на этих планетах происходило вот что... В этот самый миг — и Астре это было отчетливо видно — на второй по счету от Солнца планете живущая здесь прекрасная и вечно юная Венера плавно отдернула занавеску из сплошной облачности и выглянула в космос. Венера только что искупалась в жарких волнах изумрудного моря; она любила купаться — ведь недаром в древности говорили, что она родилась из белоснежной морской пены. Красавица надела легкую прозрачную рубашку из тумана, а поверх накинула плащ из семи цветов радуги. Плащ ей был очень к лицу, и она хотела покрасоваться в таком наряде.

Ей хорошо была видна ближайшая планета — Земля, окутанная голубоватой дымкой. Венера любила Землю: ведь ее жители в древности поклонялись Венере, считали ее покровительницей любви, а также весны, рощ, садов, цветов и фруктов. Люди считали ее первой, ни с кем не сравнимой красавицей и в честь нее слагали стихи, создавали картины и скульптуры. Венера всех прекрасней на свете — в это люди верили. И это ей было приятно.

Венера почувствовала, что на нее кто-то смотрит. Ну конечно, это смотрел справа сосед Меркурий; он живет на самой близкой к Солнцу планете. Одна сторона его планеты настолько раскалена от солнечного жара, что здесь текут ручьи из расплавленных металлов и плещутся волны озер и морей из растопленных горных пород. Зато на другой стороне — смертельный холод, царство льда и снега. На планете дуют сильные ветры. Но Меркурий... ничего, приспособился, ведь надо учитывать, что, несмотря на ряд неудобств, его планета очень богата редкими и драгоценными металлами. А Меркурий занимается торговлей, он хитер и немножко плутоват. Но у каждого есть свои недостатки. Зато Меркурий добр, всегда готов помочь другим, всегда в хлопотах, делах. Он — молод, красив, отлично сложен, занимается гимнастикой и покровительствует гимнастам, много он также путешествует.

Сейчас он откровенно любит Венера, ей это нравится, но к нему самому она равнодушна.

— Как жаль, — говорит Меркурий, — что вы вышли замуж за грубого и свирепого вояку.

— Так получилось, — напевно произносит Венера.

— Не смей говорить с этим торговцем! — раздается окрик.

Это слева смотрит на Венеру ее муж — угрюмый и грозный Марс. Он живет на четвертой по счету от Солнца кроваво-красноватой планете. Здесь есть материки оранжево-желтого цвета, много пустынь, безжизненных гор и скал. Есть здесь темно-серые безводные моря и многочисленные каналы. И белые холодные ледяные полюса. Планета

тоже очень богата, но Марс ничего не хочет делать. Он занят только войной. С бешеной радостью он всегда готов ввязаться в драку или устремиться в битву.

И представьте, у кровожадного Марса такая жена — нежная красавица Венера. Разве это справедливо? Совершенно прав Меркурий, когда он говорит об этом красавице.

— Я покажу тебе, Меркурий! — вопит Марс. — Я покажу вам всем! Всем! Всем!

Он стоит на обломке скалы среди мрачной пустыни, надвинул на глаза бронзовый шлем, прикрылся бронзовым щитом и высоко воздымает свой меч.

— Перестань вопить. Надоело! — раздается чей-то властный голос.

Это говорит отец Марса — Юпитер. Он живет на пятой от Солнца, самой большой в Солнечной системе планете. Его планета громадна: по объему она более чем в тысячу раз превосходит Землю. Она массивнее всех планет Солнечной системы, вместе взятых. Двенадцать лун вращается около нее. Но рассмотреть эту планету никому не удастся — она закутана желтыми и коричневыми облаками. Лишь постоянно видно на боку планеты какое-то непонятное и ничем не объяснимое красное пятно. Оно велико — больше Земли. Но никто не знает, что Красное пятно представляет собой. Вот какова планета, которой владеет Юпитер. Все в Солнечной системе очень уважают его. А он со всеми строг, но справедлив. И все же своего сына Марса он явно недолюбливает за его воинственность и кровожадность. И в душе он согласен с Меркурием — его сын не достоин прекрасной Венеры.

Вот почему сейчас Юпитер так резко окрикнул Марса. Но тот не послушался отца. Марс продолжал размахивать мечом. Он кричал:

— Если мне будут мешать, я затею космическую войну!

— Гром и молния! — гневно воскликнул Юпитер.

И сверкнула резкая молния, и загрохотал гром. Но Марс и на это не обратил внимания. Тот, кто хочет воевать, не считается даже со своим отцом.

— Быть новой войне, — печально сказал Сатурн. Ему со своей планеты все было отлично видно.

Он живет на шестой от Солнца планете. Золотисто-желтая, она тоже очень велика, она — вторая по величине, и вокруг нее вращается огромное серебристо-оранжево-лиловое загадочное кольцо.

Сосед Сатурна Уран, живущий на седьмой планете, заметил:

— Между тем Марс не отличается особой смелостью. Когда противник силен, Марс не ввязывается в борьбу. Он никогда не воюет с великанами или могучими героями.

Уран обитает на круглой зеленоватой планете, затянутой облаками. Он медлителен, сумрачен. Он совершает свой поворот вокруг Солнца не за год, как Земля, а за восемьдесят четыре года! Так что на Уране лето и день длятся несколько лет, и на несколько лет их сменяет зима и ночь! Ядовитые желто-зелено-изумрудные океаны имеются на этой планете. Но Уран никому не причиняет зла.

— Вполне согласен с тем, что Марс совсем не смельчак, — гово-

рит сосед Урана Нептун. — Марс имеет меч, а мы не вооружены, и он пользуется этим. К тому же он предпочитает нападать сзади и разить в спину. А я ведь когда-то имел большую силу, но не пользовался ею.

И действительно в древности Нептун на Земле был властелином морей и океанов. Он следил за спокойствием морских глубин и помогал морякам в их плаваниях. Вместе с ним на морском дне жили сто его прелестных дочерей — сто nereид. В лунные ночи nereиды всплывали на поверхность моря, пели и плескались. И если морякам с какого-либо проплывавшего судна доводилось увидеть их среди ночных лунных волн, то забыть такое было уже невозможно: души мореплавателей навсегда наполнялись восторгом и неясной тоской.

Теперь у Нептуна из многочисленного семейства осталось два спутника — сын Тритон и младшая дочь Нереида. Дети-спутники медленно вращаются в космосе вокруг планеты-отца. А владеет Нептун большой холодной коричневой планетой. Ее оболочка состоит из застывших газов фиолетового, зеленовато-голубого и коричневого цвета.

Конечно, он тоже хочет спокойствия и мира для себя и своих детей.

— А мне кажется, — глухо и хрипло сказал далекий суровый Плутон, живущий на своей самой отдаленной, вечно холодной планете, — мне кажется, Марс обрушит свой меч на Землю. И не пощадит никого — ни стариков, ни женщин, ни детей.

— Ну уж нет! — воскликнула Астри в своем космическом корабле. Пока она молча наблюдала за всем происходящим. Но теперь она не хотела больше молчать и в сердцах добавила: — Все считают меня только ребенком. Но я докажу... Я спасу Землю от войны.

И она направила свой космический корабль к Марсу. Марс с недоумением таращил глаза: что же это такое летит к нему? На всякий случай он угрожающе выставил меч, будто собирался пронзить подлетающий корабль.

«Чем бы мне огреть его? — с досадой подумала Астри. — Как нарочно, под рукой ничего нет...»

Под рукой у Астры на пульте управления оказался графин с водой, да, да, обыкновенный графин с водой для питья. Не долго думая, Астри открыла иллюминатор и запустила в Марса графином.

Ловко у нее это получилось! Графин попал в голову Марса, разбил о бронзовый его шлем, и холодная водичка окатила разгоряченного вояку с головы до ног. Марс взмахнул мечом, но до корабля не достал. Удар пришелся в ближайшую скалу, и меч тренькнул и переломился.

— Ура! — закричала Астри.

Марс в ужасе бросился бежать. Теперь он хотел только одного — скрыться в мрачной пещере среди гор. Теперь ему уже не до войн — отвоевался!

Венера, видя это, презрительно задернула облачную занавеску. А вокруг со всех планет раздались радостные голоса:

— Конец войнам!

— Как хорошо!

- Довольно раздоров!
- У всех — одна жизнь...
- И одно — Солнце!

Астра, довольная собой, направила свой корабль к Земле и запела запомнившуюся ей песенку:

Девять планет у нашего Солнца,
Девять планет.
Каждой из них посылает светило
Солнечный свет.

ЗАПИСКИ ЗЛОГО ВОЛШЕБНИКА

Воскресенье

В воскресенье надо отдыхать. Это всем известно. Приятно воскресным вечером посидеть где-то в скверике, посудачить о том о сем с пенсионерами, а потом, придя домой, попить чаю с вареньем, посмотреть телевизор или, лежа на диванчике, почитать газету.

Но все это теперь не для меня. Я начал писать свои записки. Я полон планов и не намерен отдыхать, наслаждаться чаем и покоем.

Каждый, кто прочитает эти строки, должен знать — их написал не кто-нибудь, их написал я. Я! Великий злой волшебник!

Зачем же я взялся за перо? На то есть своя причина. Я уже стар. И вряд ли я проживу долго. Но мне бы хотелось иметь на земле наследника своего злого дела. Мне бы хотелось научить кого-нибудь своему злomu волшебству.

Признаться (хотя мне это и горько), в последнее время люди не верят в мою волшебную злую силу, и меня теперь уже никто не боится. Да я и сам чувствую, что не могу причинить людям настоящего вреда. Но вот если бы кто-нибудь захотел стать моим учеником, я бы обучил его злым чудесам.

Итак, с чего начать? Я уже облюбовал один дом. Там во дворе каждый день играет много ребятешек. Кое-кого я уже присмотрел. Завтра начинаю действовать.

Превратившись в невидимку, я отправился во двор и начал свои наблюдения.

Вот во двор выбежала девочка с голубым бантом. В руках у нее был огромный золотистый апельсин.

— Посмотрите, что у меня! — закричала она. — Это не апельсин, это просто солнышко.

Малыши, которые копались в песочке, сразу побросали свои формочки, лопатки, ведерки и окружили девочку. Видно, всем очень захотелось этого золотого, как солнышко, апельсина.

— Сейчас я его почищу, — сказала девочка, — и всем дам по дольке.

Но меня не заинтересовала эта девочка с голубым бантом и малыши, столпившиеся вокруг нее. Меня заинтересовал вихрастый мальчишка, который стоял чуть в сторонке. Я присматривался к нему еще вчера и знал, что его зовут Сережей. Теперь же я заметил, с каким интересом он смотрел на апельсин и глотал слюнки.

«Вот кто будет моим учеником», — подумал я и, нагнувшись к его уху, прошептал:

— Ты хочешь, чтобы этот апельсин стал твоим?

— Ой-ой! — закричал Сережа. — Кто это шепчется?

— Тише-тише, — успокоил я его. — Не поднимай шума, не привлекай внимания. Рядом с тобой великий волшебник, готовый исполнить все твои желания. Учти, что я сейчас — невидимка. Понимаешь?

— Понимаю, — прошептал мне в ответ Сережа.

— Тогда я снова спрашиваю тебя, ты хочешь этот апельсин?

— Хочу, — как-то не очень уверенно ответил Сережа.

— Считай, что он уже твой.

И я произнес свое самое сильное, самое страшное заклинание:

— Аб-ра-ка-даб-ра!

Девочка с голубым бантом растерянно смотрела вокруг — апельсин исчез из ее руки. Зато он мгновенно очутился в руке Сережи.

— Прячь его в карман, пока не заметили, — посоветовал я ему.

Мальчишка поспешно спрятал апельсин.

— Отлично! — похвалил я своего ученика. — Попробуем сделать еще что-нибудь. Вон видишь, бегают мальчик с игрушечным автоматом, играет в войну.

— Это Вовка Коровин, — сказал мой ученик.

— Коровин так Коровин. Мне все равно. Вот автомат у него хо-рош. Пусть он будет твоим.

Я снова произнес заклинание, и автомат мгновенно оказался в руках моего ученика. А Вова Коровин никак не мог понять, что же произошло. Он закрутился на одной ноге, потом, заревев во весь голос, почему-то побежал домой. Он даже не заметил своего автомата в руках у Сергея.

— Все идет как надо, — сказал я Сергею. — Ты будешь моим учеником. У тебя есть способности. Я воспитаю из тебя настоящего жадину. Жадину первого сорта. Ты ничего и никогда не будешь отдавать другим, все будешь забирать только себе. Я надеяю тебя волшебной силой: отныне все, что увидят твои глаза, должно быть твоим.

Но я допустил ошибку. Ох, какую ошибку! Случайную, досадную!

Мимо нас в это время бежала собачонка. Обыкновенная дворняжка. С косточкой в зубах. Мой ученик взглянул на нее, и сразу косточка, вырвавшись из зубов собачонки, оказалась у него в руках. Я уверен, что ему была совсем не нужна эта проклятая кость. Все случилось совершенно случайно. Но ведь собака этого не знала! Разозлившись, она бросилась с лаем на Сергея, но на пути налетела на меня — ведь я был невидим, на меня можно было запросто налететь. Слегка отскочив в сторону, дворняжка разозлилась еще больше. И, хотя ей не было понятно, с чем она столкнулась, она бросилась на меня и вцепилась в мою ногу. Я завопил от боли и бросился бежать. Но проклятая собака гналась за мной и еще два раза укусила меня. И очень больно.

Удирая, я слышал, как кричал во дворе мой бывший ученик:

— Не хочу быть жадиной! Девочка, вот твой апельсин. А где Вовка Коровин? Мне автомат ему отдать надо.

Как все удачно для меня начиналось и как все неудачно кончилось! Я еле-еле удрал от этой гадкой дворняжки домой. Очень болела нога. Кололо сердце. Я выпил валерьянки. Но еще долго не мог прийти в себя.

Вторник

Я твердо решил не повторять вчерашних ошибок. Совершенно ни к чему быть невидимкой — только лишние неприятности.

Сегодня я надел голубой плащ-болонью, а на голову — соломенную шляпу. Взглянув в зеркало, остался доволен собой. Может быть, я одет и не очень модно, но зато выгляжу вполне симпатичным и добродушным старичком-пенсионером. Чтобы скрыть недобрый и загадочный блеск в глазах, надел черные очки.

Снова пришел во двор и у первого же подъезда встретил Вовку Коровина. С грустным видом он медленно брел, держа в руках портфель. Мне стало все понятно.

— Тебе, мальчик, не хочется идти в школу? — вкрадчиво спросил я.

— Не хочется, — чистосердечно признался он.

— Я понимаю тебя, даже очень и очень понимаю. И могу помочь тебе.

— Вы шутите? — не поверил мальчишка.

— Честное слово, не шучу.

Видимо, я произнес это таким убедительным тоном, что он мне поверил.

— Как вы мне поможете? — спросил он.

— Я отведу тебя в школу, которая тебе очень понравится. Это лентяйская школа.

— А разве есть такая? — удивился Вова.

— Есть. Вернее, будет. Я создам такую школу, — пообещал я ему. — И сам в ней буду учителем. Я уверен, тебе такая школа придется по вкусу. Ведь уроки в лентяйской школе по десять минут, а каждая перемена — целых сорок пять минуточек. А какие будут замечательные уроки! Например, на математике можно будет считать ворон за окном. На чистописании надо будет посадить на лист бумаги как можно больше клякс, на пении — петь рыбы песни, то есть просто разевать рот. Какой твой самый нелюбимый предмет?

— Чтение, — с некоторой растерянностью сказал мой новый ученик.

— Чтения в нашей школе не будет совсем. Но зато ты научишься таким замечательным делам, как бить баклуши, ходить на голове и работать спустя рукава.

— А еще чему я там научусь? — неуверенно спросил Вова.

— Ничему больше не научишься, — заверил я его. — Ты будешь настоящим лентяем. Единственным заданием для тебя будет привести с собой в нашу школу как можно больше других ребят. Ах, как я мечтаю о том, чтобы все дети на земле стали лентяями и ничего бы не научились делать. Представь себе, что тогда случится на земле: некому будет выращивать хлеб и стоять у станков, останутся все машины и поезда, в небо не взлетит ни один самолет...

— Нет! — вдруг перебил меня негодный мальчишка. — Я лучше пойду в обыкновенную школу. Я не хочу быть лентяем. Я хочу быть летчиком. А про вас, дедушка, я папе скажу...

— Твой папа — летчик? — спросил я.

— Нет, милиционер. Вон он идет...

Тут я увидел, что к нам направляется высокого роста милиционер в новенькой милицейской форме. Мое сердце екнуло.

— Извини, пожалуйста. — сказал я. — Мне некогда.

И боком-боком скорей в сторонку. Дома я снова пил валерьянку.

Превратился в муху. В большую черно-зеленую муху. Полетел в таком виде во двор. Решил в последний раз испытать счастье... Во дворе ребята играли в прятки. Я уже знал их всех по именам.

Меня заинтересовала Оля, девочка с голубым бантом. Она опоздала к началу игры, ее играть не приняли. Она выглядела обиженной. Конечно, ей хотелось чем-нибудь досадить ребятам...

— Зина-корзина! Зина-корзина! — начала дразниться Оля. Я в виде мухи завертелся около ее уха и тоже зажуужал:

— З-з-ина — кор-з-з-з-ина!

И Зина, прятаясь за углом, превратилась в корзину, в обыкновенную плетеную бельевую корзину. Ловко получилось!

Из подъезда выглянул Вовка Коровин. Ага, попался голубчик! — Вовка-морковка! Вовка-морковка! — подсказал я.

— Вовка-морковка! Вовка-морковка! — повторила за мной Оля.

И не стало Вовки. Пропал он. А на асфальте около подъезда оказалась крупная красная морковина.

У стены гаража стоял Андрей. Он водил и должен был искать спрятавшихся ребят.

Раз, два, три,
Четыре, пять —
Я иду искать.

Последнюю строчку Андрей произнес особенно громко. Но Оля по моей подсказке снова начала дразниться:

Андрей-воробей,
Не гоняй голубей!
Гоняй галочек
Из-под палочек!

Андрюша сразу съежился, стал маленьким, покрылся перьями и замахал крылышками.

Потом мы с Олей превратили Свету в конфету, а Кирюшку — в ватрушку.

Я ликовал. Наконец-то ученица найдена! И к тому же такая способная!

— Что же это такое происходит? — вдруг закричала Оля. — Ребята! Что с вами? Ах, тут еще эта муха кружится!

Девочка хлопнула рукой около своего уха и едва не раздавила меня. Я свалился на асфальт и чуть было не протянул ноги...

Как будто издали донесся до меня Олин голос:

— Ребята! Я больше никогда не буду дразниться.

И сразу морковка снова стала Вовкой, корзина — Зиной, воробей — Андреем, ватрушка — Кирюшкой, а конфета — Светой. Пропало все мое волшебство...

Прилетел домой. Принял свой обычный облик. Хватит быть злым волшебником! Надоело! А эти записки пошлю в издательство... Может быть, их напечатают?

Х Х
Х

Недавно издательство получило записки злого волшебника, вернее, бывшего злого волшебника, и решило напечатать их. Наверное, эти записки полезно будет почитать не только ребятам из дома, о котором здесь идет речь, но и ребятам из других домов...

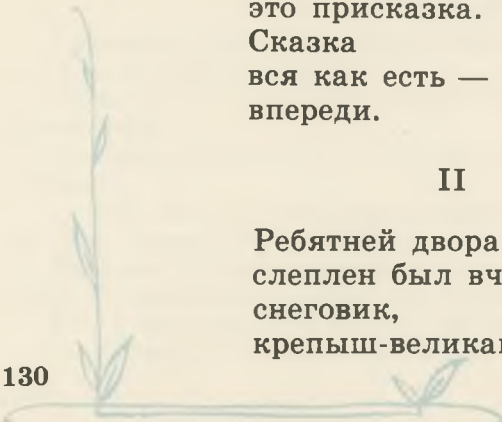
МЕТЕЛЬНАЯ СКАЗКА

I

Небом северным,
 снегом сеяным
 начинается
 вьюжный день.
 Поначалу
 метель рассеяна,
 будто ей
 развернуться лень.
 А потом
 как сберется с силами,
 как ударит
 да как пойдет!
 Белый Север
 с лесами сивыми
 в снежной замяти
 пропадет.
 Я и сам
 в снегу
 вроде призрака.
 Тормоши, метель!
 Береди!
 Это к слову лишь,
 это присказка.
 Сказка
 вся как есть —
 впереди.

II

Ребятней двора
 слеплен был вчера
 снеговик,
 крепыш-великан.

Он стоял,
молчал
да на мир взирал.
Он сказал:
— Метель,

по рукам!

Я в твоём снегу
со двора сбегу.
Мы пойдем
гулять по дворам.
Мы с тобой вдвоем
всё взметнем
вверх дном.
И устроим
трам-
та-
ра-
рам!..

И пошел чудаки,
хоть морковный нос,
на башке ведро набекрень.
А метель всерьез.
А метель внахлест.

И пошла
 вокруг
 завихрень!

Снеговик
метлой
будоражит снег.
И кипит кругом кутерьма.
Тут покоя нет.
Тут порядка нет.
Ну и времечко!
Эх, ма!
Тот,
кто чинно брел,
сам себе орел,
нес в руке портфель-дипломат,
затрусил спеша,
воротник к ушам,
неожиданно
стал горбат.
Мастера стоять
да язык чесать,
всем
 и каждому
кости мыть
онемели вмиг,
в подворотню шмыг.
Вот где, кумушки, ваша прыть!
А метель метет.
А метель в намет.
Знай

 показывает
 свой нажим.

Тут
калитка
 — скрип.
И возник, как гриб,
человек трех лет с небольшим.
Он в метель идет.
Елка в клубе ждет!
— Прекрати, метель, кутерьму!

Я прошу тебя
ото всех ребят.

А нето

возьму

зареву!..

Тут метель молчком
улеглась ничком.

И мальчонка

в клуб зашагал.

...Снеговик-хитрец
сам в сугроб залез.

А метлу свою потерял.

БЕЗ ВЫХОДНОГО

я проснулся нынче рано —
Сам убрал постель с дивана.
Покормил и птиц, и кошку,
Снег расчистил на дорожке,
Вместе с Костей и Егоркой
Мастерил из снега горку.
Папа с мамою глядят,
Папа с мамой говорят:
— Завертелся не на шутку!
Посидел бы хоть минутку...
Ты весь день как заводной.
Ведь сегодня — выходной!
— Мне не время отдыхать —
Я пойду в снежки играть.
У меня нет дня такого,
Как у взрослых, — выходного.

НИКОЛАИ ШИШОВ

ВЕСЕННИЙ ГРОМ

Отгремел весенний гром
Самый первый над селом.
И уже летают птицы
В ясном небе голубом.
Вышла радуга-дуга,
Обхватила берега.
Из-за речки вышло солнце
На зеленые луга.

ГУСЬ

Я по травке босиком
К озеру бегу.
За кустами снега ком
Вижу на лугу.
И откуда только мог
Летнею порой
Появиться там снежок
В самый зной.
Я разгадывать не стал,
К озеру спустился
И увидел — вдруг в кустах
Снег зашевелился.
Закричал я: «Ой боюсь!
Это чудо-юдо».
Вдруг громадный белый гусь
Выскочил оттуда.
Вот так чудо, вот так ком!
Как не напугаться!
Страшный гусь идет лужком
К озеру купаться.

СОЛНЦЕ

Солнце в лужице одной,
Солнце в луже во второй,
Солнце в луже в третьей
Ярко, ярко светит.
Выйди на дорогу —
Солнц увидишь много.
В каждой луже есть оно,
А вот на небе — одно.

ЛЕСНАЯ БЫЛЬ

Сказочен лес в солнечный сентябрьский полдень. Тепло в нем. И тихо-тихо. Но это лишь сначала кажется, что тихо. Прислушаешься — поет лес.

Тонко позванивают падающие листья, прощаются на лету с ветвями и устраиваются на новое жилье в хрусткой траве. Потрескивает подсохший мох, когда раздвигает его своей упругой шляпкой на глазах растущий боровичок. Шуршит ящерица, избегая погреться на освещенный солнцем пенек. Слово дружная плотничья артель, шумно трудятся муравьи: дом свой к зиме готовят, переговариваются на бегу, хвоинками постукивают...

Много разных звуков в лесу тихим сентябрьским полднем. Только не каждый слышать их умеет. А кто умеет, чарует того гулкая лесная тишина.

Красив лес в сентябре. Кроны уже поредели, и вольно солнечным лучам, пронизывающим сетку ветвей. А сколько расцветок! Деревья словно принарядились на последний в году свой праздник и взялись за руки в бесконечном хороводе. Здесь и золотые березки, и рыжие, огненно-красные осинки. Тяжело клонятся из темной листвы багряные гроздья рябины. Нежно зеленеют молодыми побегами сосны. И только ель, сумрачная хранительница порядка, не расстается со своим извечным нарядом.

По мшистым кочкам, как цветы на клумбах, рдеет брусника. Созрела ягода. Тронешь неосторожно — и брызнет на руку алый сок.

Идешь по лесу, словно по ковру, сотканному искусной мастерицей. И не вдруг разберешь, то ли волнушка поднимается из травы, то ли шляпка подосиновика, то ли топорщится раскрашенный осенью лист. Зато издали безошибочно узнаешь малиновый, в белых крапинках мухомор — рослый и нарядный гриб, да спросу на него нет.

А птиц не видно. В полях они, на опушках: сбиваются в табунки, молодых учат, в дальний путь собираются.

Пусто в лесу. Но это тоже лишь на первый взгляд. Много тайн скрывает осенний лес. И немало различных историй происходит здесь. Не хотите ли послушать одну из них?

...Идет по лесу девчонка. Веточки рукой раздвигает, улыбается. Глаза у девчонки голубые, нос курносый и не по сезону в веснушках. Платок на голове красный, а плащ зеленый. Увидишь такую в лесу — подумаешь: уж не Красная ли Шапочка навстречу идет, а может, сама Весна в гости к Осени пожаловала.

Несет девчонка лубяную корзиночку. А в ней... Как вы думаете — что? В корзиночке — фотоаппарат.

Вышла девчонка на светлую поляну и видит: по соседству с березой и елкой стоит белый гриб. Подошла поближе — еще две шляпки из травы выглядывают. Обрадовалась девчонка, захлопала в ладошки да сейчас же и за дело принялась. Раздвинула возле грибов траву, отошла, полюбовалась издали. Неплохая картина! Но можно сделать и лучше.

Сорвала девчонка веточку брусники, положила ее на шляпку самому большому грибу — совсем хорошо получилось. Прицелилась девчонка фотоаппаратом — щелк-щелк. Отличный снимок будет! Такой и подружкам не стыдно подарить!

Захотелось ей сфотографировать грибы и с другой стороны, но... «Пленка кончилась! Как быстро!» — удивилась девчонка. Села она на ближайший пенек, чтобы кассету сменить. Солнышко ей улыбается, деревья ветвями кивают, травка к ногам тянется.

Треск раздался возле самой поляны. Испугалась девчонка, вскочила... Видит человека в брезентовом балахоне. Лицо у него в серой щетине, на плече ружье стволом вниз, а в руках огромный мешок. Грохнулся мужчина на колени, к девчонкиным грибам руки клешнястые тянет.

— Вот вы где засиделись! Теперь мои будете!

Глядит девчонка во все свои синие глаза, а сама от страха ни с места.

— Тяжеленька ноша становится, да не из дому, а в дом прибыль! — приговаривал мужчина, с корнем выдирая грибы и засовывая их в мешок, да еще шаря в траве — нет ли других. — Теперь бы зайчишку подстрелить! И поворачивать можно...

— Нельзя зайцев стрелять!— вдруг закричала девчонка.— Не хорошо браконьерствовать!

Встрепенулся мужчина. И башлык у его балахона поднялся, словно волчья грива.

— А ты кто такая?— свирепо взглянул он на девчонку. Потом воровато огляделся и, не увидев вокруг никого, кроме нее, захохотал, как филин: — Ох, гы-гы-гы! Пугать вздумала! Да я тебя сейчас!

Занялся дух у девчонки. Подхватила она корзиночку и кинулась прочь. Долго бежала куда глаза глядят. И невдомек ей было, что деревья поднимают перед ней ветви, солнышко высвечивает чистые полянки и торные тропки. Все звучал в ушах девчонки злобный голос... Хрустнет ветка, а ей слышится: «Ох, гы-гы-гы!» Затрепещет осина, а ей все то же кажется.

Устала девчонка, остановилась и поняла, что место незнакомое — заблудилась.

— Как же я теперь свой велосипед найду, что на опушке спрятан?— с тревогой подумала она.— Да и домой пора...

Пригорюнилась девчонка. А на небе туча поднимается, серая, будто баранья шуба. Быть дождю.

Вошла девчонка на пригорок, поглядела во все стороны. И видит: кругом темный лес, тучи над ним несутся, ветер гудит, деревья к земле клонит.

Затосковала девчонка, подняла руки к небу. И знала она, что никто ее здесь не услышит, что и кричать нечего, но сами собой вырвались слова звучные:

— Солнышко ясное! Выгляни! Помоги мне дорогу найти!

Поднялась девчонка на цыпочки. Глядит во все глаза, удивляется и радуется: вдруг тучи над нею раздвинулись, и в чистом оконце между ними показалось на миг солнышко. Улыбнулось оно девчонке, посигналило ей своими яркими лучами, и она сразу поняла, по какой тропинке к опушке идти.

— Спасибо, солнышко-о!— звонко крикнула девчонка и побежала.

Вот и опушка. Вот и велосипед блестит никелированными ободьями. Повесила девчонка фотоаппарат на плечо, корзинку к багажнику привязала и быстро покатила по лесной дороге.

Тут и догнал ее дождь. Легко ли ехать, когда каждая ямка водой наполняется, колеса буксуют и кусты придорожные осыпают холодными брызгами.

«Плохо мне будет!»— снова расстроилась девчонка. А тут еще позади автомобиль загудел. Свернула девчонка на сырую обочину, чтобы пропустить машину, и чуть в лужу не упала. А шофер, поравнявшись, остановил свой «газик» и спрашивает:

— Далеко ли путь держим?

— До города,— отвечает девчонка.

— Подвезти могу.

— Да я же с великом!

— Это не беда,— улыбнулся шофер.— Мы с него переднее колесо на время снимем, он и поместится.

Так и сделали. Приглянулся девчонке шофер: веселый такой и разговорчивый.

— Какой марки аппаратик?— спрашивает он.

— «Смена».

— Что же с ним в лесу-то делать?

— А я грибы фотографировала. И еще птичек хотела...— доверчиво пояснила девчонка.

— Тогда тебе не «Смену», а фоторужье надо,— подсказал шофер.

— Для фоторужья, мама говорит, я еще маленькая,— вздохнула девчонка.

— Сколько же тебе лет?

— Больше десяти.

— Маловато еще. Нельзя тебе одной в такую даль забираться. Звери в лесу встретиться могут. Или заблудишься,— посерьезнел шофер.

Хотела рассказать ему девчонка о неприятной встрече в лесу, а мужчина в балахоне тут как тут. Стоит на дороге со своим мешком, руками машет. Притормозил шофер. Подбежал мужчина к машине, за дверцу нетерпеливо дергает.

— Подбрось до города! В долгу не останусь.

— Садись. Места хватит.

Устроился новый пассажир, огляделся, осмелел. Заглянул в девчонкину корзинку и захохотал.

— Ох, гы-гы-гы! Я бы такую дочку домой не пустил: из лесу — и ни гриба, ни ягод. А у меня вон сколько!— показал он на свой мешок.

Нехорошо стало на душе у девчонки. Но смолчала. А шофер сверкнул глазами, остановил машину.

— Вылезай!— изменившимся голосом сказал он мужчине.

— Да что ты, милый!— удивился мужчина.— Что я плохого сказал? Ведь я и деньги тебе заплачу, не как некоторые!

— Я таких ни за деньги, ни задаром возить не хочу!— рассердился шофер еще больше.

— А я не вылезу!— заявил мужчина.

Шофер поглядел на него и понял, да и девчонка поняла, что этот здоровущий и наглый мужик просто так не подчинится. Девчонка испугалась. Но шофер одной рукой поднял грузный мешок и выбросил его на обочину. Позабыв обо всем, мужчина с криком кинулся спасать свое добро. А машина тотчас двинулась вперед по дороге.

Когда «газик» подкатил к девчонкиному дому и колесо у велосипеда было поставлено на место, шофер открыл багажник и быстро наспал в девчонкину корзину целую кучу ядерных боровиков.

— Бери! У меня еще много осталось,— улыбнулся он.

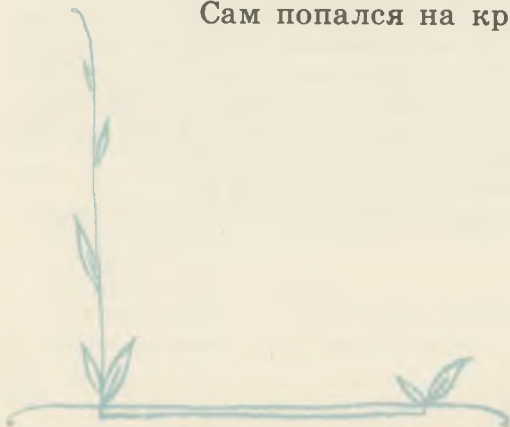
И «газик» весело подмигнул девчонке вспыхнувшими лампочками.

ПА УЧОК-МОХОВИЧОК

ил на свете паучок,
 Паучок-моховичок.
 Он под елкой ставил сети,
 И держал он на примете
 Глупых мух и комаров —
 Их ловил в свой самолет.
 Но однажды надоело
 Пауку такое дело.
 — Я имею восемь рук.
 Я заслуженный паук!
 Я имею восемь ног.
 Я иначе жить бы мог!
 Надоело комарье,
 Покрупнее есть зверье.
 Прилетал тут как-то шмель.
 «Мне б его сюда, под ель
 Заманить в свою ловушку...» —
 Размечтался и лягушку
 Не заметил паучок.
 А лягушка прыг да скок,
 Язычком разок лизнула,
 Паука как ветром сдуло.

Так бесславно паучок
 Сам попался на крючок.

ФУТБОЛ НА ЛЕСНОЙ ПОЛЯНЕ

Мальчишки играли в футбол на поляне.
Не мяч, а ежа футболисты гоняли.
— Не смейте! — Мой окрик невольно горяч.
Как будто вратарь, подхватила я «мяч».
Побитый, но дышит, глядит бедолага.
Несу его в лес, что за полем, оврагом.
К груди прижимаю колючий комочек.
— Счастливой дороги, мой маленький ежик!
Беги, схоронись и скорей поправляйся,
Таким «футболистам» не попадайся.

ТОПОЛЕК

Жол воткнешь —
И дерево взрастет,
Прежде дождик
Много раз польет,
Да не меньше
Солнышко прогреет,
Да земля под снегом
Пропотеет
И весной-волшебницею
В срок,
Ручейка услышав говорок,
Напоит мир силой
Так умело,
Что и кол —
Обрубленное тело —
Вслед за всеми
Выпустит листок...
Посмотрите:
Это ж тополек!

ЛЕТНИМ ДНЕМ

Безымянный уголок,
Ни тропинок, ни дорог,
Ручеек вокруг поляны,
Видно, тоже безымянный.

Непримятая трава —
Вся в цветочных кружевах;
Ветерок, качая их,
Сам запутался и стих.

Села возле самых ног
Медуница на цветок
И сидит, не улетает,
Словно телом защищает
Этот чудный островок.

В ОГОРОДЕ

Ну-ка, солнышко, скажи:
 С лейкой я не зря дружил?
 На капусте сто одежек,
 Сто одежек без застежек.

А подальше, на припеке,
 Дремлет тыква-лежебока.
 Как зеленые жучки,
 На бобах висят стручки.

Греют вкусные бока
 Два ленивца-кабачка.
 Навалившись на подпоры,
 Загорели помидоры.

Влез на палочки горох,
 А какой он вкусный, ох!..
 Ну-ка, солнышко, скажи:
 С лейкой я не зря дружил?

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Вот и осени не стало:
 Спряталась под одеяло,
 Пушистое и белое...
 Где такое делают?
 Где?

Подобных одеял
 В магазине не видал.
 Одеяло без цены,
 Без длины и ширины.
 Мастера,
 видать, большие,
 Если темной ночью сшили.
 Да притом еще бесплатно...
 Видеть белый снег приятно.

СКАТЕРТЬ НА БОЛОТЕ

Правой ненастной рукой отодвинула осень погожие дни, отправив их в сторону юга.левой, такой же ненастной, погладила нашу окрестность.

Дождь. Лодки вытащены на берег. По свинцово-серой реке тарактит катерок. На косогорах темнеют леса. Лишь холодные ветры бродят между стволов, выдувая в ветвях тоскливые свисты. В заброшенных лугах мокнет забытый стожок. На пригорке наша деревня. Окна вымокших изб смотрят далеко-далеко — через поле, реку и сизый осинник, за которым на несколько верст протянулось большое болото.

На болоте сегодня ликующий день. Между кочек, под соснами, в золотисто-зеленых мхах горит, пламенея, розовощекая клюква. Тут и там щиплют клюкву девочки, женщины и старушки. Перекликаются громко:

- Ягод-то, девушки, ягод! Мост на мосту!
- Век свой не выносить их!
- На наше болото город бы напустить...
- Все равно бы на всех хватило!
- Еще бы! Скатерть-то наша на пять верст в длину, да вся в красном товаре. Знай обирай с нее, что успеешь...

ПОД ЗАЯЧЬЕЙ ШУБОЙ

Однажды наступит пора, когда молодые снежинки займут собою весь воздух и будут мелькать в нем, радуя нас своей удивительной чистотой. Покроют снега нашу землю, уйдут на отдых продрогшие травы, и только головки колючего лопуха да пустые коробочки чертополоха будут торчать над снежным покровом как грустная память о днях отошедшего лета.

Бело и торжественно в поле после обильного снегопада. И не пове-ришь, когда на опушке какой-нибудь рощи увидишь дерево, ветки которого низко согнулись под тяжестью розовых яблок. Но заманись на него — и яблоки, как одно, полетят, порхая в кустах и ветках! Да это же снегири! Добродушные тихие птицы, которым все ладно, все мило, все хорошо.

Снегири летают перед морозом. Насулили его и скрылись. А мороз ударил кремень о кремень — закаменели складки дорог, обледенели

ручьи и озера, выросли наморози у рек. Пар стоит над землей. В сумеречных логах под багровой зарей собираются в стаи волки. Холодом дышит рожок луны.

Опаленный морозом воздух все тяжелее и гуще садится на нашу реку, и вода цепенеет, покрываясь иссяня-серой корочкой льда.

Гулко, сердито скрипит под полозьями снег. Везут луговое сено. Запах такой, будто вот-вот навстречу тебе выйдет бригада колхозных косцов. На возу сидит мальчик, показывая рукавицей на озимь, кричит:

— Снегу-то навалило — толсто!

— Ага! Хорошо! — соглашается возчик.

— Чего уж хорошего, — спорит с ним сын, — ведь снег-то холодный, и хлебушек, значит, замерзнет.

— Наоборот! Нагреется под снежком, как под заячьей шубой.

В ЗОЛОТЫХ ОЧКАХ

Поздний вечер. Звезды льют на сугробы меркнувший свет. Морозно. Где-то вдали с нарастающим рокотом движется трактор. Сумерки погустели, прижались к лапам елей, нависших над длинной поленницей дров.

Дверь кордона открылась, и на крыльцо в легоньком пиджачке выскочил простоволосый Ванюша. Подбежал к поленнице дров, набрал беремя, весело крикнул:

— Морозяга-та, ух!

И вдруг откуда-то сверху кто-то громко передразнил:

— Ухх!

«Померещилось, видно», — подумал Ванюша и снова сказал:

— Ух!

И опять из хвойных потемок:

— Уххх!

Ванюша взглянул на деревья и вздрогнул, заметив два золотисто-зеленых огня. Показалось ему, что огни помещались над чьей-то взлохмаченной бородой. Сердце у мальчика провалилось. Рассыпая поленья, он бросился наутек.

— Папка! — крикнул с порога. — Я мужика на дереве видел! Страшной-престрашной! Да кажися, в очках! Лешой, поди-ко?

Отец вышел во двор, осторожно приблизился к елкам, а разглядев неясное темное существо, смотревшее на него золотыми очками, развел ладони по сторонам и хлопнул так, что с елки посыпался иней. Вместе с инеем, будто тень, снялась с дерева большая лохматая птица. Обернулся отец к крыльцу, на котором стоял Ванюша.

— Видел?

— Угу.

— Знаешь, кем он приходится лешему-то в очках?

— Филином, — засмутился Ванюша.

КТО СЪЕЛ МАЛИНУ?

Вышли в сад — малины нет,
Ни единой ягодки.
Кто устроил в сад набег,
Кто так любит сладкое?
Говорит мне вдруг сестра:
— В сад я не ходила,
Арифметику с утра
В комнате учила.
Я ведь сладкого не ем,—
Говорит Алена,—
И давно уж ясно всем,
Что я не сластена.
А малину я давно
Просто ненавижу...
Вдруг на платье я пятно
У Алены вижу.
Из кармашка алый сок
Побежал по платью...
Кто же съесть малину мог —
Не могли б сказать вы?

СТРОИТЕЛИ

Мчатся, мчатся самосвалы
Через горы, перевалы,
Чтоб доставить точно в срок
На строительство песок.

Разгрузили аккуратно
И поехали обратно.
А строители умело,
Горячо взялись за дело,

Изучая чертежи,
Быстро строят этажи.
Скоро будет новоселье,
Приходите на веселье!

И не важно, что пока
Дом построен из песка!

МЫТЬ ПОСУДУ — НЕ ПУСТЯК

Блюдца мокрые скользят,
Ложки, падая, звенят,
Помогая нашей маме,
Мы посуду моем сами.
Сами чашки вытираем,
Сами ставим их на полки,
Сами дружно подбираем
На полу...

потом осколки.

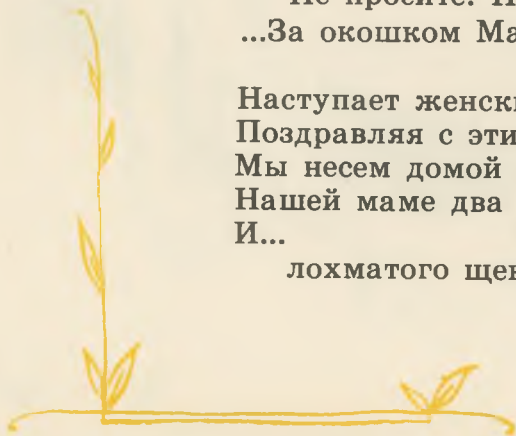

ПОНАРОШКУ

Кто-то в доме —
 понарошку —
В холодильник запер
 кошку.
Перца сыпнул поварешку
В суп кипящий —
 понарошку!
Наказали мы Сережку
Не взаправду —
 понарошку,
Слезы капают в ладошку
Может, тоже —
 понарошку?

ПОДАРОК МАМЕ

Каждый день с утра до ночи
Мы просили очень-очень:
— Подарите нам щенка!—
Но напрасно,
 и пока...
Был один для нас ответ:
— Не просите. Нет и нет!
...За окошком Март —
 проказник.
Наступает женский праздник,
Поздравляя с этим днем,
Мы несем домой вдвоем
Нашей маме два цветка
И...
 лохматого щенка.

ЧУДЕСНЫЙ ЯЩИК

белом ящике, на кухне,
Поселился Дед Мороз.
Мама строго наказала
Не совать туда свой нос.

Может, правда — настоящий
Белый Дед Мороз сидит?
Ухо к ящику приложишь —
Даже слышно, как пыхтит...

Приоткрыть боюсь я дверцу —
Мне ее не удержать,
Если вдруг Мороз захочет
Из квартиры убежать.

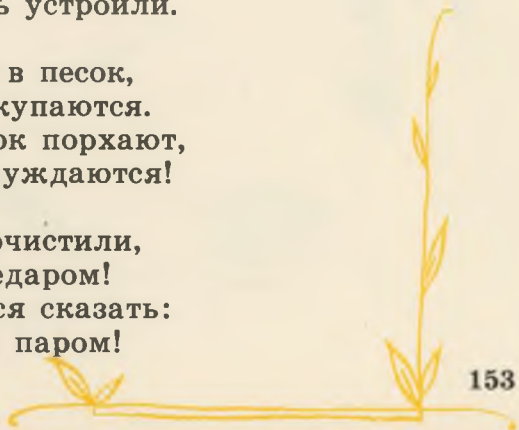
Я все форточки закрою,
Двери крепко затворю.
Хоть немножечко, хоть в щелку
На Мороза посмотрю!

ВОРОБЬИ КУПАЮТСЯ

Зашумели воробьи
На песке, заспорили.
И похоже, что они
Банный день устроили.

Зарываются в песок,
Как в воде купаются.
С боку на бок порхают,
В душе не нуждаются!

Перышки почистили,
Умаялись недаром!
Так и хочется сказать:
— С легким паром!

РАКИ

Ленивые раки
Под камнем сидят.
Большими усами
В воде шевелят.

Под камнем у них
И вода и еда —
Не надо ходить
Ни за чем никуда.

И бабки-рачихи
Довольные тут:
Рачата-внучата
От них не уйдут.

ЗАКОРЮЧКА

Зто придумал эти штучки —
 За столом меня морить:
 Только палки, закорючки
 И крючочки выводить?
 Я вспотела, я устала,
 Закорючку дописала,
 А ее — ну как назло!—
 Кляксой всю заволокло.
 От досады я реву
 И ругаю закорючку.
 Вот возьму и брошу ручку
 И тетрадку изорву!
 И тогда я стану смело
 Рисовать зверюшек мелом
 На полу и на стене.
 Может, скажут обо мне:
 «Получилось наконец,
 Ай да Юля, молодец!»

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рожденья! День рожденья!
Что за праздник расчудесный!
Смех, подарки, поздравленья...
От гостей в квартире тесно.
Все пришли: Ирина, Вера,
Катя, Славик и Валера,
Катин младший брат Егор
И смешной щенок Трезор.
День рожденья! День рожденья!
Что за праздник расчудесный!
Сладкий чай, пирог, варенье,
Танцы, игры, шутки, песни...
Веселились, песни пели
И пирог до крошки съели,
А щенок Трезор украдкой
Съел у Веры шоколадку.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Александр Твардовский. Ленин и печник	3
Константин Симонов. «Майор привез мальчишку на лафете...»	9

I

Максим Горький. Пепе	13
Владимир Маяковский. Кем быть?	18
Алексей Толстой. Сорочьи сказки	
Сорока	27
Мышка	28
Козел	—
Еж	29
Лиса	—
Заяц	30
Кот-Васька	31
Грибы	—
Петушки	33
Мерин	34
Горшок	—
Куриный бог	36
Картина	37
Аркадий Гайдар. Чук и Гек	38
Борис Житков. Рассказы о животных	
Про слона	60
Про обезьянку	65
Мангуста	74

II

Ольга Фокина. Сыну. Летняя песенка. «С вечера планы...»	81—83
Александр Александров. Книжки едут на БАМ	84
Евгений Яковлев. Море зовет	86
Алексей Трапезников. Внук и дед	87
Николай Вурдов. До Нового года — пять дней	88
Валерий Аушев. Походная песенка. Награда. Изотова изба, Бабушкины каникулы	100—106
Вадим Беднов. Начинается день со звонка. Снегири. Созвездие Кита. Сиаковский кот. Все наоборот	107—112

Валерий Пылаев. Запах хлеба	113
Юрий Леднев. Сказка про трехглазку	116
Николай Дружининский. Бульдозеры	118
Владимир Аринин. Астра в космосе. Записки злого волшебника	119—129
Анатолий Лёвушкин. Метельная сказка	130
Елена Белинская. Без выходного	134
Николай Шишов. Весенний гром. Гусь. Солнце	135—137
Владимир Степанов. Лесная быль	138
Владимир Марков. Паучок-моховичок	142
Клара Алексеева. Футбол на лесной поляне	143
Анатолий Подволоцкий. Тополек. Летним днем	144—145
Василий Некрасов. В огороде. Первый снег	146
Сергей Багров. Северные этюды	
Скатерть на болоте	147
Под заячьей шубой	—
В золотых очках	148
Евгений Грязнов. Кто съел малину?	149
Татьяна Петухова. Строители. Мыть посуду — не пустяк. Понарошку.	
Подарок маме	150—152
Капитолина Большакова. Чудесный ящик. Воробьи купаются. Раки	153—154
Герман Александров. Закорючка	155
Николай Антонов. День рождения	156

Р60 Родничок: [Сборник]. Для мл. школ. возраста.—
Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. 1981.—158 с.,—
ил.—55 коп.

В новом, пятом, выпуске «Родничка» юные читатели найдут произведения широко известных советских писателей Максима Горького, Владимира Маяковского, Аркадия Гайдара, Бориса Житкова, Александра Твардовского, Константина Симонова, а также встретятся с уже знакомыми им писателями и поэтами Архангельской и Вологодской областей и новыми молодыми авторами-северянами.

К-0762-034
M157(03) — 81 5-34-81

СБ

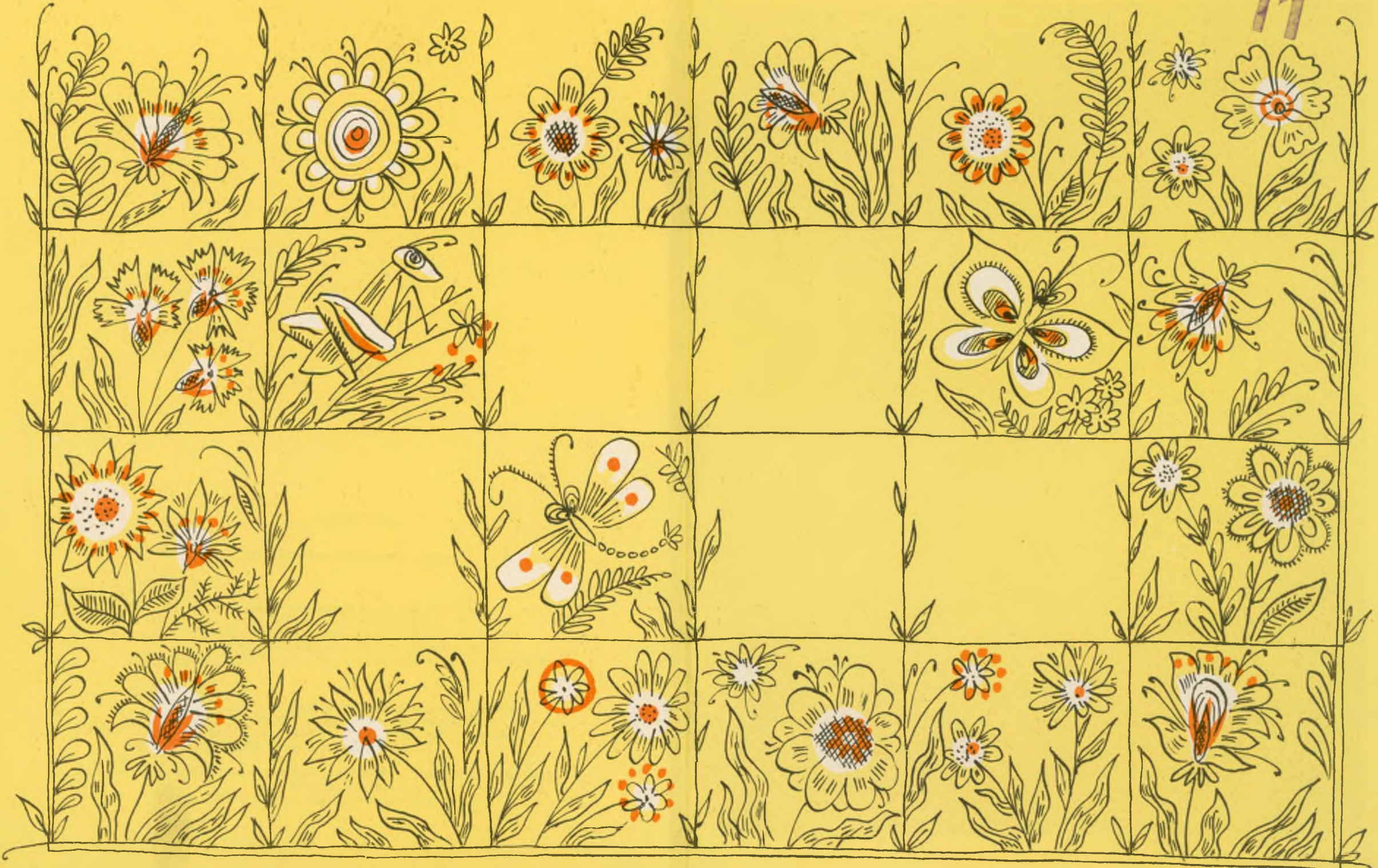
РОДНИЧОК

Для младшего школьного возраста

Редактор-составитель В. К. Лиханова
Художник Р. С. Климов
Художественный редактор В. С. Вежливец
Технический редактор Н. Б. Буйновская
Корректоры Н. К. Галкина, Н. С. Дурасова, В. А. Фокина

Сдано в набор 15.08.80 г. Подписано к печати 8.01.81 г.
Форм. бум. 70×90/16. Фотонабор. Офсетная печать.
Физ. печ. л. 10,0. Усл. печ. л. 11,7. Уч.-изд. л. 9,485.
Тираж 50000. Заказ 6590. Цена 55 коп.

Северо-Западное книжное издательство, Вологодское отделение,
Вологда, Урицкого, 2.
Областная типография, Вологда, Челюскинцев, 3.

СТИХИ * СКАЗКИ * РАССКАЗЫ

55 коп.